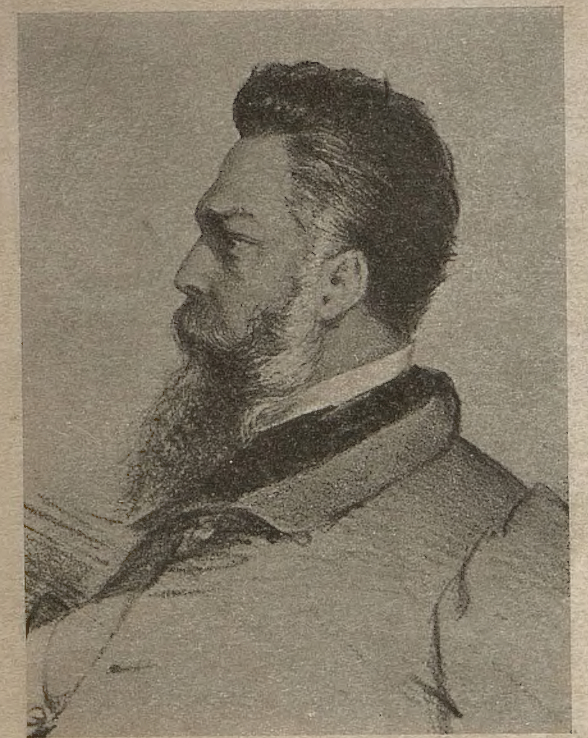

ХУДОЖНИКЪ-ИЛЛЮСТРАТОРЪ
П. М. БОКЛЕВСКІЙ,
ЕГО ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО.

Съ автопортретами художника
и съ многими неизданными иллюстраціями
къ произведеніямъ:
Гоголя, Островскаго, Тургенева, Достоевскаго, Лермонтова, Грибоѣдова, Л. Толстого и Печерскаго.

Составилъ
Конст. Кузьминскій.

МОСКВА—1910.

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ
БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского
„Записки Института ЛЕНИНА"
т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

Художникъ-иллюстраторъ

П. М. Боклевскій,

его жизнь и творчество.

Съ аутопортретами художника
и съ многими неизданными иллюстраціями
къ произведеніямъ:
Гоголя, Островскаго, Тургенева, Достоевскаго, Лермонтова, Грибоѣдова, Л. Толстого и Печерскаго.

составилъ

Конст. Кузьминскій.

МОСКВА—1910.

МОСКВА—1910.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. № 5.

Аутопортретъ П. М. Боклевскаго (1888 года.)

Выпуская настоящій очеркъ жизни и творчества знаменитаго художника П. М. Боклевскаго, считаю долгомъ своимъ принести благодарность лицамъ, способствовавшимъ его составленію. Особенно признателенъ я дочери художника М. П. Лихаревой и его сыновьямъ, давшимъ мнѣ матеріалъ для біографіи; В. Г. Короленко, А. С. Бутурлину и А. Г. Костенецкому, подѣлившимся со мной своими воспоминаніями о Боклевскомъ; но болѣе всего я обязанъ В. Д. Брянскому, указавшему мнѣ путь для полученія всѣхъ нужныхъ мнѣ о художникѣ свѣдѣній.

Конст. Кузьминскій.

I.

Исторія можетъ назвать не одинъ десятокъ замѣчательныхъ людей, которые, несмотря на свои выдающіяся заслуги и талантъ, были забыты или недостаточно оцѣнены своими современниками.

Къ числу этихъ несправедливо забытыхъ и достойныхъ лучшей участи людей слѣдуетъ присоединить выдающагося русскаго художника Петра Михайловича Боклевскаго.

Кто изъ русскихъ не знаетъ этого имени? Кто не любовался его замѣчательными гоголевскими типами? Но многіе ли знаютъ хоть что-нибудь о жизни и трудахъ этого не только талантливаго художника, но и замѣчательнаго человѣка? До сихъ поръ біографія П. М. Боклевскаго не была опубликована, да и вообще нигдѣ о его жизни не было напечатано ни одной строчки. Въ нашихъ энциклопедіяхъ, которые не забыли помѣстить жизнеописаніе иногда весьма сомнительныхъ «талантовъ», о Боклевскомъ ничего не сказано,—какъ будто онъ никогда и не существовалъ.

А между тѣмъ сколько случаевъ представлялось и представляется нашимъ историкамъ, чтобы не забыть это имя и воздать ему должное! Альбомы его «Гоголевскихъ типовъ» выдержали десятки изданій и являются принадлежностью каждаго культурнаго дома; въ театрахъ ставятъ «Ревизора» по рисункамъ Боклевскаго, о чемъ часто говорится въ афишахъ; художники, которые

послѣ Боклевскаго рисовали эти гоголевскіе типы, почти всѣ ему подражали, а иногда, какъ увидимъ ниже, просто выдавали его рисунки за свои, ибо онъ исчерпалъ тему такъ, что нельзя было послѣ него создать ничего новаго.

Но популярность имени Боклевскаго не ограничивается только сферой искусства. Это имя хорошо извѣстно и въ области художественной промышленности,— изъ сферы болѣе высокой, доступной только избранникамъ, оно проникло уже въ обыденную жизнь. Рисунки Боклевскаго вы можете встрѣтить на тарелкахъ фабрики Кузнецова, на конфетныхъ оберткахъ главнѣйшихъ кондитерскихъ фабрикъ, на коробкахъ для перьевъ, на почтовой бумагѣ и т. д., а наши кустари лѣпятъ и рѣжутъ фигурки Собакевича, Плюшкина и Пѣтуха тоже въ промышленныхъ цѣляхъ—въ видѣ пепельницъ и статуэтокъ. Словомъ, рѣдкій изъ нашихъ художниковъ такъ популяренъ, какъ Боклевскій. И, несмотря на все это, повторяю, его жизнь и творчество совсѣмъ не изслѣдованы. Онъ забытъ.

Этотъ фактъ покажется еще болѣе разительнымъ, когда мы узнаемъ, что знатоки и спеціалисты всегда высоко цѣнили талантъ Боклевскаго.

Еще въ 1863 году художественный критикъ и историкъ Н. Рамазановъ, посѣтившій съ нѣсколькими художниками Боклевскаго, писалъ: «Когда цѣлое общество художниковъ разсматривало (его) работы, то при взглядѣ на рисунокъ, изображающій Харосанову, старуху-милліонершу, одинъ изъ нихъ замѣтилъ: «отъ такого рисунка не отказался бы и самъ Карлъ Брюлловъ! А отъ всѣхъ вмѣстѣ не отказался бы и Гаварни». Надо знать, что представляли собою эти два имени для русскаго общества того времени, чтобы понять значеніе этого сравненія.

Не менѣе лестный отзывъ далъ о рисункахъ Боклевскаго знаменитый педагогъ В. Я. Стоюнинъ въ 1880 году. Въ письмѣ къ издателю «Альбома типовъ Н. В. Гоголя» онъ называлъ эти рисунки «прекрасными», способствующими психологическому изученію типовъ Гоголя, «дополненіемъ къ его разсказамъ». Замѣтимъ, кстати, что этотъ альбомъ съ предисловіемъ Стоюнина выдержалъ не ме-

нѣс десяти изданій, изъ которыхъ послѣднее вышло въ 1909 году.

Лучшее изданіе рисунковъ Боклевскаго, вышедшее въ 1895 году подъ редакціей Л. П. Бѣльскаго, тоже сопровождалось весьма сочувственной статьей. Критика встрѣтила это изданіе большими похвалами. Въ «Русской Мысли» (апрѣль 1895 г.), напримѣръ, привѣтствовали изданіе типовъ изъ «Мертвыхъ Душъ» высокоталантливаго художника П. М. Боклевскаго.

Отзывовъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, можно было-бы привести гораздо больше. Но достаточно и этихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что талантъ Боклевскаго оцѣнивался критикой весьма высоко.

Однако, всѣ эти похвалы раздавались только по поводу одной серіи работъ Боклевскаго,—по поводу иллюстрацій къ сочиненіямъ Гоголя. А между тѣмъ труды этого выдающагося художника не ограничились только этой областью. Боклевскій далъ, кромѣ того, великолѣпныя иллюстраціи къ комедіямъ Островскаго (изданы въ видѣ литографій въ 1859—60 годахъ), къ роману Мельникова-Печерскаго «Въ лѣсахъ» (изданы въ 1882 году подъ заглавіемъ: „Отживающіе типы русской народности"). Издалъ онъ также еще въ 1855 году альбомъ карикатуръ «На нынѣшнюю войну», вызвавшій общее одобреніе русскаго общества и Императора Александра II, который пожаловалъ художнику за этотъ трудъ брильянтовый перстень.

Но всѣ эти опубликованные труды представляютъ только небольшую часть того, что осталось въ портфеляхъ Боклевскаго и ждетъ еще своего издателя. Изъ этихъ рисунковъ особенно замѣчательны: иллюстраціи къ «Бѣднымъ Людямъ» и «Преступленію и Наказанію» Достоевскаго, къ «Отцамъ и Дѣтямъ» Тургенева, къ «Горе отъ ума» Грибоѣдова, къ «Герою нашего времени», къ «Евгенію Онѣгину», варіанты къ уже извѣстнымъ рисункамъ къ сочиненіямъ Гоголя, затѣмъ «типы русскаго духовенства», автопортреты и портреты жены и дѣтей. Кромѣ того осталась масса эскизовъ и не оконченныхъ работъ.

Таково, въ общемъ, художественное наслѣдство Боклевскаго. Забыть такого человѣка,—это грѣхъ и передъ нимъ и передъ русскимъ обществомъ.

Настоящій трудъ и появляется съ цѣлью воздать должное этому выдающемуся, своеобразному таланту и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить о немъ нашему обществу.

II.

Петръ Михайловичъ Боклевскій происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи [1]). Родился онъ 12 іюня 1816 г., повидимому, въ г. Рязани, ибо, какъ видно изъ копіи метрической выписи, хранящейся въ Архивѣ Московскаго Университета[2]), крещеніе «младенца Петра» совершено было 13 іюня въ рязанской Ильинской церкви, а «родитель его подпоручикъ Михаилъ Федоровичъ». Въ дѣлахъ того же архива хранится копія Указа о дворянствѣ Боклевскихъ, въ которой сказано, что родъ этотъ ведетъ начало отъ дворянъ Кіевской губерніи и записанъ въ 1-ую часть дворянской родословной книги этой губерніи.

Какъ и откуда произошелъ этотъ дворянскій родъ, даютъ возможность судить только семейныя преданія, повидимому, вполнѣ достовѣрныя. Еще дѣдъ нашего художника носилъ другую фамилію — Боклеевъ и принадлежалъ къ числу болгарскихъ колонистовъ, жившихъ на югѣ Россіи. По-болгарски эта фамилія пишется Бъклѣевъ. Такая фамилія и въ настоящее время распространена въ Болгаріи, и возможно, что она сохранилась и у насъ гдѣ-нибудь на югѣ. Дѣдъ П. М. Боклевскаго рано умеръ, оставивъ сына Михаила. Мать рѣшила отдать его въ кадетскій корпусъ, для чего и привезла въ Кіевъ, не захвативъ съ собою никакихъ документовъ. Безъ нихъ не хотѣли принять мальчика въ корпусъ, и матери при-

[1]) Всѣ рукописные документы и письма, на основаніи которыхъ составлена біографія П. М. Боклевскаго, переданы авторомъ этой книги въ Императорскій Россійскій Историческій Музей.

[2]) Дѣло № 179, 1835 года.

шлось искать людей, которые удостовѣрили бы его «благородное происхожденіе». Такія лица, конечно, нашлись и письменно удостовѣрили, что мальчикъ принадлежитъ къ дворянскому сословію изъ «рода Боклевскихъ». Окончаніе «скій» было придѣлано къ фамиліи, повидимому, въ силу того, что на югѣ большинство дворянскихъ фамилій носило это окончаніе, которое какъ бы служило доказательствомъ принадлежности къ благородному сословію. Подобные случаи въ тѣ времена были нерѣдки, и появленіе новаго дворянскаго рода Боклевскихъ не могло никого ни удивить, ни вызвать протестъ.

Какимъ образомъ попалъ М. Ѳ. Боклевскій въ Рязанскую губернію, сказать трудно. Вѣроятнѣе всего, что онъ служилъ здѣсь въ качествѣ кавалерійскаго офицера въ одномъ изъ полковъ, расположенныхъ въ этой губерніи. Судя по миніатюрному портрету, рисованному нашимъ художникомъ еще въ 1833 году, отецъ его служилъ въ Сѣверскомъ Драгунскомъ полку.

О М. Ѳ. Боклевскомъ сохранилось немного свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ принималъ участіе въ Наполеоновскихъ войнахъ, былъ раненъ, послѣ войны вышелъ въ отставку, а въ 1815 году женился на дворянкѣ Рязанской губерніи, изъ помѣщичьей семьи средняго достатка, — Маріи Даниловнѣ Сазоновой. Будучи въ отставкѣ, занимался хозяйствомъ въ имѣніяхъ своей жены, главнымъ образомъ, въ с. Елшинѣ, Пронскаго уѣзда, и одно время былъ городскимъ судьей въ г. Пронскѣ. Всѣхъ сыновей было у него пять, изъ которыхъ самымъ старшимъ и былъ нашъ художникъ.

По семейнымъ преданіямъ, отецъ Петра Михайловича Боклевскаго ничѣмъ особеннымъ замѣчателенъ не былъ. Это былъ весьма распространенный въ тѣ времена типъ военнаго въ отставкѣ, доживавшаго свою жизнь въ имѣніи.

Гораздо болѣе замѣчательна была его жена, Марья Даниловна. Она была женщина религіозная, строгой жизни, большая рукодѣльница и одаренная недюжинными художественными способностями. Въ семьѣ Боклевскихъ

долго хранился ея альбомъ съ разными рисунками, сдѣланными акварелью, и эти рисунки всегда нравились даже людямъ, понимавшимъ толкъ въ художествѣ.

По всей вѣроятности, она-то и передала свое художественное дарованіе сыну Петру. Уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ немъ сказалось это дарованіе и развивалось чрезвычайно быстро. Въ семнадцать лѣтъ, какъ показываетъ вышеупомянутый портретъ его отца, Боклевскій прекрасно владѣлъ кистью.

Портретъ-миньятюра отца художника (1833 г.).

Учебные годы П. М. Боклевскаго начались въ Пронскомъ городскомъ училищѣ, но вскорѣ онъ отданъ былъ въ Рязанскую классическую гимназію, курсъ въ которой окончилъ въ августѣ 1834 года. Въ томъ же году онъ поступилъ въ Московскій университетъ на философскій факультетъ, по математическому отдѣленію, но уже въ слѣдующемъ году перешелъ на нравственно-политическое отдѣленіе. Есть извѣстіе, что Боклевскій думалъ передъ поступленіемъ на это отдѣленіе опредѣлиться на военную службу, но кто-то изъ профессоровъ, повидимому Н. И. Крыловъ, убѣдилъ его не бросать университетъ.

Нравственно-политическое отдѣленіе (нынѣ юридическій факультетъ) славилось въ то время своими профессорами. Изъ нихъ особенно выдѣлялись Н. И. Крыловъ и Ѳ. Л. Морошкинъ. Несомнѣнно, что тотъ идеализмъ, которымъ отличался Боклевскій всю свою жизнь, однимъ изъ своихъ источниковъ имѣлъ университетъ. Не случайно то обстоятельство, что за это время Московскій университетъ выпустилъ такую массу выдающихся людей. За десятилѣтіе, отъ 1830 на 1840 годъ перебывали въ немъ Бѣлинскій, Гончаровъ, Буслаевъ, Станкевичъ, И. С. Тургеневъ (правда, всего одинъ годъ), Фетъ, Соловьевъ (историкъ) и мн. другихъ. Большая часть изъ нихъ оставила воспоминанія о своей студенческой жизни, и всѣ

они отдаютъ должное университету того времени. Лекціи Погодина, Надеждина, Грановскаго, Шевырева на филологическомъ факультетѣ и Н. И. Крылова на юридическомъ, по общему признанію, оказали сильное вліяніе на міросозерцаніе наиболѣе выдающихся студентовъ того времени.

Есть данныя, указывающія, что на Боклевскаго имѣлъ особенно сильное вліяніе «профессоръ-артистъ», — по удачному выраженію С. А. Муромцева, — Н. И. Крыловъ. Извѣстно, что этотъ профессоръ обладалъ рѣдкимъ ораторскимъ талантомъ. По свидѣтельству современниковъ, слушатель уходилъ съ его лекцій «подъ обаяніемъ неподдѣльнаго восхищенія». Читая лекціи по римскому праву, онъ широко охватывалъ каждый затронутый вопросъ. «Міровоззрѣніе Крылова, говоритъ С. А. Муромцевъ, обладало широтою, которая никогда не дозволяла ему успокоиться на простомъ созерцаніи явленій. Каждое отдѣльное явленіе представлялось ему въ сложной совокупности отношеній, близкихъ и отдаленныхъ, служило отголоскомъ чего-то болѣе общаго и крупнаго. Онъ сближалъ предметы, на видъ совершенно разнородные, и въ области наиболѣе сухой и частной находилъ источникъ для мыслей съ общимъ значеніемъ. Курсъ римскаго права становился, такимъ образомъ, общеобразовательнымъ курсомъ для юриста. Курсъ Крылова имѣлъ характеръ философскаго размышленія надъ римскимъ правомъ. Высокимъ достоинствомъ чтеній Крылова была роль, которую онъ отводилъ указаніямъ психологическаго свойства. Большая наблюдательность и близкое знакомство съ природою человѣка, съ его увлеченіями и страстями, съ сильными и слабыми сторонами человѣческой души открывали богатый источникъ для характеристики историческихъ явленій. Необычайная пластичность языка дѣлала лекціи Крылова доступными и неизбраннымъ слушателямъ. Въ счастливомъ сочетаніи глубины мысли съ пластичностью ея передачи и слѣдуетъ искать источникъ могучей силы Крылова, какъ профессора. Умственное, нравственное, политическое состояніе общества, обрисованное въ рядѣ индивидуальныхъ положеній, подчасъ въ формѣ анекдо-

тической; затаенный психическій двигатель явленій, переданный нерѣдко языкомъ драмы; смѣлая и блестящая аналогія. призванная для выясненія наиболѣе человѣческой стороны даннаго предмета; рѣзкое и не менѣе блестящее противоположеніе, употребленное для передачи національныхъ или временныхъ его особенностей; сильный здоровый юморъ, доходящій иногда до мѣткой сатиры; въ результатѣ сведеніе сказаннаго къ общимъ началамъ, выраженнымъ отвлеченно и опредѣленно, правильно раздѣленнымъ и расположеннымъ — вотъ набросокъ обычнаго строя лекціи Крылова. Онъ былъ профессоръ-артистъ».

Мы умышленно остановились такъ долго на этой блестящей характеристикѣ проф. Н. И. Крылова, ибо его лекціи имѣли огромное вліяніе не только на миросозерцаніе Боклевскаго, но и на его служебную карьеру. Какъ увидимъ дальше, Боклевскій — судья, присяжный повѣренный и даже художникъ—отразилъ на себѣ главнѣйшія характерныя черты идеализма сороковыхъ годовъ, а въ его характерѣ, дѣйствіяхъ и поступкахъ очень часто видно нѣчто общее съ профессоромъ-артистомъ. Какъ тотъ, такъ и другой владѣли мастерски словомъ и любили блеснуть этимъ талантомъ; одинъ въ своихъ лекціяхъ, а другой въ своихъ рисункахъ обладали сильнымъ, здоровымъ юморомъ и обращали вниманіе не на частности, а на общее, умѣло передавая «національныя и временныя особенности»; пластичность — тоже не менѣе характерная черта, сближающая обоихъ.

Итакъ, московскій университетъ, главнымъ образомъ, въ лицѣ проф. Крылова, имѣлъ большое вліяніе на Боклевскаго. Много онъ обязанъ былъ и товарищеской средѣ, которая состояла изъ будущихъ выдающихся людей. Чаще всего Боклевскій былъ въ обществѣ Аполлона Григорьева и Фета.

Занимался Боклевскій въ университетѣ очень прилежно и выпускные экзамены выдержалъ блестяще, но тѣмъ не менѣе былъ выпущенъ не кандидатомъ, а дѣйствительнымъ студентомъ. Самъ Боклевскій объяснялъ это обстоятельство слѣдующимъ образомъ. Оканчивающіе курсъ

университета, если желали получить кандидатскій дипломъ, обязаны были представить спеціальное сочиненіе. Боклевскій представилъ такое сочиненіе, но оно было написано въ такомъ либеральномъ духѣ, что разсматривавшая представленныя кандидатскія сочиненія коллегія профессоровъ пришла въ ужасъ. Время тогда было суровое,—конецъ тридцатыхъ годовъ,—пропустить такое сочиненіе было весьма опасно, тѣмъ болѣе, что оно вмѣстѣ съ другими сочиненіями должно было быть представлено, по существовавшимъ правиламъ, въ министерство народнаго просвѣщенія. Долго обсуждали профессора вопросъ, что дѣлать съ сочиненіемъ Боклевскаго и рѣшили, въ концѣ-концовъ, предложить ему взять свое сочиненіе обратно и представить новое. Но такое сочиненіе представлено не было, и Боклевскаго выпустили въ 1840 году дѣйствительнымъ студентомъ, какъ не представившаго кандидатскаго сочиненія.

Боклевскій въ университетѣ не переставалъ заниматься и любимымъ дѣломъ—живописью. Какъ видно изъ прошенія, которое онъ подалъ въ 1852 году въ Совѣтъ Императорской Академіи Художествъ, его занятія живописью продолжались въ «университетскихъ классахъ», при чемъ главное вниманіе было обращено на акварель. Вотъ что пишетъ Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ изъ студенческой жизни о Боклевскомъ—студентѣ[1]): «Познакомился я со студентомъ Боклевскимъ, прославившимся впослѣдствіи своими иллюстраціями къ произведеніямъ Гоголя. Въ то время мнѣ приводилось не только любоваться щегольскими акварелями и портретами молодого диллетанта, но и слушать у него на квартирѣ прелестное пѣніе студента Мано, обладавшаго бархатнымъ теноромъ».

Есть данныя, свидѣтельствующія о томъ, что большую извѣстность пріобрѣлъ Боклевскій среди профессоровъ и студентовъ еще и карикатурами на университетское начальство того времени[2]).

---

1) „Ранніе годы моей жизни“. Москва, 1893 г. стр. 172.

2) „Типы изъ поэмы Н. В. Гоголя“, рисов. худ. П. М. Боклевскимъ, Москва, 1895 г. изд. Готье, см. предисловіе Л. Бѣльскаго.

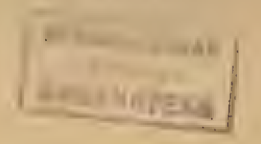
III.

По окончаніи университетскаго курса Боклевскій вернулся къ себѣ на родину въ Рязанскую губернію, въ имѣніе матери. Здѣсь онъ велъ разсѣянную, веселую, свѣтскую жизнь, среди знакомыхъ и родныхъ помѣщичьихъ домовъ, гдѣ его, повидимому, очень баловали. Должно быть, онъ имѣлъ большой успѣхъ, но уже вскорѣ стяжалъ себѣ недобрую славу карикатуриста, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ домахъ скоро замѣтили его страсть немедленно приниматься рисовать, если подъ руку попадались карандаши и бумага. Эти рисунки и наброски жадно расхватывались присутствующими и бережно сохранялись; очень часто среди этихъ набросковъ встрѣчались злыя карикатуры на присутствующихъ и отсутствующихъ родныхъ и знакомыхъ; находились услужливые люди, которые не упускали случая не только разсказать оригиналамъ карикатуръ, но при случаѣ и показать ихъ.

Однако, нужно было подумать и о службѣ, такъ какъ тѣ средства, которыми располагала семья Боклевскихъ, были недостаточны. Къ тому же отецъ его умеръ еще въ 1833 году, дѣла разстроились, а братья кто поступилъ въ военную службу, кто служилъ по выборамъ. И вотъ Боклевскій рѣшается вступить на этотъ же путь. Мы не имѣемъ возможности точно указать, когда онъ поступилъ на службу. Извѣстно только, что онъ уже вскорѣ по окончаніи университета получилъ мѣсто завѣдывающаго запасными хлѣбными магазинами въ своемъ уѣздѣ. Магазины эти устраивались во всѣхъ волостяхъ, и Боклевскій обязанъ былъ наблюдать за ихъ постройкой, своевременнымъ пополненіемъ зерномъ, провѣтриваніемъ и освѣженіемъ запасовъ. Петра Михайловича уговорили принять эту должность, и онъ былъ перечисленъ изъ дѣйствительнаго студента въ чинъ губернскаго секретаря, который и сохранилъ до смерти, хотя имѣлъ бы возможность впослѣдствіи (за продолжительную службу мировымъ судьей) получить болѣе высокіе чины. Однако, врядъ ли долго

Аутопортретъ художника. (1848).

занималъ эту должность Боклевскій, ибо какъ увидимъ ниже, онъ еще до 1845 года занимался живописью подъ руководствомъ профессора Академіи Художествъ А. Е. Егорова, а съ октября 1845 года въ классахъ Академіи.

Вообще, періодъ жизни Боклевскаго послѣ окончанія университета до 1852 года менѣе всего извѣстенъ. Можно только догадываться, что онъ не все время съ 1845 по 1852 годъ посвящалъ исключительно изученію живописи. Повидимому, онъ бывалъ въ Петербургѣ наѣздами, иногда продолжительными, и въ это время учился то у профессора Егорова, то въ Академіи, то въ мастерскихъ другихъ извѣстныхъ художниковъ.

Въ этотъ періодъ своей жизни, онъ подолгу гоститъ въ Скопинскомъ уѣздѣ у помѣщика Маркова, Лихаревыхъ и другихъ, жившихъ очень открыто, весело; здѣсь одни удовольствія и развлеченія смѣнялись другими; балы, спектакли, именины, крестины — все служило поводомъ съѣзжаться близкимъ и далекимъ сосѣдямъ. Здѣсь П. М. встрѣчался съ своей будущей женой Варварой Павловной Мальцовой, молодой помѣщицей села Питомши. Она была, судя по воспоминаніямъ очевидцевъ и по оставшимся портретамъ, очень хороша собой, но особенно обращала на себя вниманіе и вызывала съ одной стороны порицаніе, а съ другой исключительный интересъ тѣмъ, что жила въ своемъ имѣніи только съ двумя молодыми двоюродными сестрами, сама управляла хозяйствомъ, выѣзжала въ гости безъ неизбѣжныхъ старушекъ, читала французскіе модные романы Гюго и Жоржъ-Зандъ и даже выписывала французскіе журналы того времени.

Портретъ - миньятюра жены художника. (1851).

Естественно, что такіе интересные, среди провинціальнаго общества, молодые люди, не могли не заинтересоваться, а вскорѣ и полюбить другъ друга. Вскорѣ (въ 1849 году) состоялась ихъ свадьба, и новобрачные поселились въ с. Питомшѣ, такъ какъ у Петра Михайловича не было своего отдѣльнаго дома въ Елшинѣ, гдѣ онъ

жилъ до сихъ поръ въ общемъ нераздѣленномъ имѣніи матери и братьевъ.

Бракъ этотъ былъ, по общему признанію, образцовымъ; съ обѣихъ сторонъ царила истинная глубокая любовь, а со стороны жены былъ прямо какой-то культъ мужа.

Въ 1850 году родился у Боклевскихъ первый ребенокъ, — дочь Марія (нынѣ женщина-врачъ М. П. Лихарева), въ слѣдующемъ году, сынъ Павелъ, а впослѣдствіи еще четыре сына: Семенъ, Иванъ, Алексѣй и Константинъ.

IV.

Служба по выборамъ въ качествѣ смотрителя запасныхъ магазиновъ не могла, конечно, удовлетворить художественную натуру Боклевскаго. Большой природный талантъ, постоянныя занятія живописью, мечты предаться искусству въ качествѣ художника, которыя, какъ мы видѣли, не оставляли Боклевскаго во все время его службы, — все это должно было взять верхъ. Рано или поздно онъ долженъ былъ сдѣлать хотя бы попытку бросить эту службу и отдаться исключительно совершенствованію своего природнаго дарованія.

Это совершенствованіе началось съ занятій живописью подъ руководствомъ профессора А. Е. Егорова. Этотъ выборъ профессора не былъ случаенъ. Подыскивая себѣ учителя, Боклевскій, конечно, хотѣлъ найти въ немъ художника, который способствовалъ бы развитію особенностей его собственнаго художественнаго дарованія. Уже въ юности, когда еще никто имъ не руководилъ, онъ отличался искусствомъ давать поразительно вѣрные по сходству портреты. Въ университетѣ же, учась живописи въ университетскихъ классахъ, онъ уже пріобрѣлъ репутацію отличнаго рисовальщика. И вотъ Боклевскій начинаетъ «совершенствоваться» въ этомъ дарованіи у проф. А. Е. Егорова, который именно и пользовался громкой извѣстностью, какъ превосходный рисовальщикъ. Работы

этого извѣстнаго въ то время художника славились строгой, академической правильностью рисунка, но отличались холодностью и отсутствіемъ экспрессіи. Извѣстность его, какъ преподавателя, была распространена, и подъ его руководствомъ получили образованіе не одно поколѣніе русскихъ художниковъ. По словамъ П. Ге[1]), «Егоровъ, какъ преподаватель, по сохранившимся воспоминаніямъ своихъ учениковъ является симпатичнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ. Онъ очень аккуратно являлся въ классъ, требовалъ строгаго, правильнаго рисунка и давалъ полезные практическіе совѣты. Онъ говорилъ: «общее, батюшка, общее: это главное, а туда хоть мусору насыпь— все будетъ хорошо!»

Однако, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, Егоровъ страдалъ большими недостатками, которые были особенно ясны человѣку свѣжему и образованному, какимъ былъ Боклевскій. «Академизмъ» наложилъ свой отпечатокъ на этого даровитаго художника, а незнаніе исторіи и вообще недостаточная культурность вели его къ большимъ промахамъ тамъ, гдѣ нужно было быть не только хорошимъ рисовальщикомъ, но и проникновеннымъ знатокомъ изображаемой эпохи.

Врядъ ли Боклевскій былъ вполнѣ доволенъ вышеупомянутой системой преподаванія профессора Егорова. Это побудило его въ 1845 году поступить въ качествѣ сторонняго посѣтителя въ Академію Художествъ, чтобы тамъ пользоваться совѣтами другихъ профессоровъ.

Боклевскій въ Академіи былъ между прочимъ, ученикомъ профессора К. П. Брюллова, но все время воевалъ и съ нимъ. Дѣло въ томъ, что, поступивъ въ Академію по окончаніи Университета, онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей какъ между профессорами Академіи, такъ и между студентами. Будучи хорошо знакомъ съ исторіей, Боклевскій строго критиковалъ разнаго рода произведенія живописи даже знаменитыхъ мастеровъ не столько съ точки зрѣнія художественнаго исполненія,

---

[1]) „Главныя теченія русской живописи XIX". П. Н. Ге, изд. Т-ва Бр. Гранатъ, стр. 16.

сколько съ точки зрѣнія исторической правды того или другого сюжета. И критика его была настолько вѣрна, что онъ, по собственнымъ словамъ, имѣлъ массу сторонниковъ и поклонниковъ между студентами и молодыми художниками того времени. Старые же профессора не любили этой критики и осуждали его за нее, говоря: «Сперва поучитесь работать, а тамъ уже критикуйте». Между прочимъ, когда Боклевскому, какъ и другимъ его товарищамъ академистамъ, К. П. Брюлловъ задалъ тему нарисовать «Тайную Вечерю» и потомъ отдѣльно «Воскресеніе Христово», то всѣ товарищи Боклевскаго изобразили эти сюжеты, приближаясь къ извѣстнымъ мастерамъ: «Тайная Вечеря» изображала комнату и въ ней вокругъ за покрытымъ скатертью столомъ, сидѣлъ Христосъ со своими учениками. Боклевскій же нарисовалъ «Тайную Вечерю» не въ комнатѣ, а на плоской крышѣ Іосифа Аримафейскаго, и какъ Христосъ, такъ и всѣ ученики Его не сидѣли вокругъ стола, а «возлежали» на коврѣ и подушкахъ (по восточному обычаю). Это К. П. Брюллову такъ показалось дико, что онъ сейчасъ же отстранилъ этюдъ Боклевскаго, сказавши, что такъ трактовать нельзя и что для пониманія картины надо не «выдумывать», а пользоваться указаніями знаменитыхъ мастеровъ, и поставилъ Боклевскому дурной балъ. Та же участь постигла и этюдъ на тему «Воскресеніе Христово», гдѣ Боклевскій изобразилъ воскресшаго Христа худымъ съ страдальческимъ лицомъ. Этого Брюлловъ не могъ допустить и отказался принять работу. Словомъ, несмотря на несомнѣнно крупный природный талантъ, Боклевскій не пользовался за свою критику и за его «новшества» похвалами профессоровъ и они его считали художникомъ своенравнымъ. Не долюбливали они Боклевскаго и за то, что онъ необыкновенно бойко и зло рисовалъ на нихъ карикатуры, да такія хлесткія, что профессора приходили въ бѣшенство.

Прекративъ посѣщеніе Академіи, Боклевскій нѣкоторое время работалъ въ Петербургѣ и, между прочимъ, въ мастерской скульптора барона Клодта, лѣпившаго тогда ко-

ней для Аничкова моста. Фотографія тогда, была еще очень несовершенна, и дѣлать моментальные снимки, какъ это дѣлается теперь, съ лошадей въ ихъ движеніи было затруднительно. Клодту же хотѣлось изучить лошадей во всей ихъ граціи и при разныхъ аллюрахъ и поворотахъ. Для этого онъ, съ разрѣшенія Государя Николая I, пользовался конногвардейскимъ манежемъ, куда приводили лошадей разныхъ породъ и типовъ. Ихъ заставляли дѣлать всевозможныя движенія, и эти послѣднія зарисовывались нѣсколькими приглашенными для этого барономъ Клодтомъ художниками, между прочимъ, и Боклевскимъ, который. благодаря чрезвычайной бойкости карандаша и огромной художественной памяти, помогъ барону Клодту имѣть массу рисунковъ съ необходимыхъ ему типовъ и породъ лошадей.

Любовался работой Боклевскаго, по его разсказамъ, и Императоръ Николай I, простаивая около его мольберта подолгу. Именно къ этому времени относится неодобрительное замѣчаніе Имп. Николая Павловича о Боклевскомъ: увидавъ его въ первый разъ съ цѣлой копной роскошныхъ, вьющихся волосъ, почти до плечей. и съ довольно большой бородкой (въ то время носить бороду, а тѣмъ болѣе длинные волосы — считалось вѣрнѣйшимъ признакомъ неблагонадежности) Государь спросилъ: «Кто это? иностранецъ?» Ему доложили, что это русскій художникъ по фамиліи Боклевскій. «И, конечно, либералъ»—съ неудовольствіемъ промолвилъ Государь, и велѣлъ Боклевскому немедленно остричь волосы и сбрить бороду.

V.

Въ концѣ 1851 года Боклевскій рѣшилъ держать экзаменъ въ Академіи Художествъ на званіе художника. Въ это время онъ былъ уже женатъ и имѣлъ дѣтей, но страсть къ любимому искусству удерживала отъ того шага, который обыкновенно дѣлаетъ большинство семейныхъ людей. Онъ не отказался отъ безкорыстной, въ значи-

тельной степени, дѣятельности художника и, хотя занималъ болѣе или менѣе хлѣбное мѣсто въ Пронскомъ земскомъ судѣ, рѣшился опять ѣхать въ Петербургъ, чтобы получить званіе художника, которое дало бы ему большій просторъ для любимой дѣятельности.

Горячо любящая и цѣнящая талантъ своего мужа Варвара Павловна Боклевская, повидимому, не только ничего не имѣла противъ такого желанія нашего художника, но и поддерживала въ немъ это благородное стремленіе. Уже въ началѣ 1852 года мы видимъ Боклевскаго въ Петербургѣ. 29 января этого года онъ подастъ слѣдующее «покорнѣйшее» прошеніе въ совѣтъ Императорской Академіи Художествъ:

«Занимаясь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ живописью, по преимуществу акварельною, первоначально въ классахъ Императорскаго Московскаго Университета, потомъ подъ руководствомъ господина профессора А. Е. Егорова, а съ октября 1845 года нѣкоторое время въ классахъ академіи, и въ доказательство извѣстной степени знакомства моего съ техническими пріемами этого искусства, имѣя честь представить нѣсколько работъ моихъ, исполненныхъ акварелью, и 2 эскиза, сдѣланныхъ карандашемъ, — покорнѣйше прошу задать мнѣ программу на званіе художника по живописи акварельной».

7 февраля того же года Совѣтъ разсматривалъ это прошеніе и постановилъ задать слѣдующую программу для полученія званія художника: «написать портретъ чиновника Котона» [1]).

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 6 марта, Совѣтъ уже разсматривалъ написанный съ натуры по программѣ портретъ и опредѣлилъ: «Боклевскаго удостоить званія свободнаго художника по живописи портретной акварельной».

Приводимъ текстъ аттестата, который былъ выданъ Боклевскому 10 декабря 1852 года.

„Аттестатъ изъ Императорской Академіи Художествъ

[1]) „Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Имп. Спб. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія". П. Петрова, часть III, стр. 169.

изъ дворянъ Губернскому Секретарю — Петру Боклевскому—въ томъ, что онъ, во вниманіе къ хорошимъ познаніямъ его въ живописи портретной акварельной, которыя доказаны написаннымъ имъ съ натуры портретомъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 4-й день марта 1840 года переобразованія Училища Императорской Академіи Художествъ, Академическимъ Совѣтомъ 6 марта 1852 года удостоенъ званія художника, въ которомъ и утвержденъ Публичнымъ Собраніемъ Академіи, 28 сентября сего же года бывшимъ, съ правами и преимуществами Всемилостивѣйше дарованною Академіи привилегіи художникамъ предоставленными. Въ увѣреніе чего и данъ ему — Боклевскому — сей аттестатъ за подписаніемъ Президента Академіи и съ приложеніемъ Академической печати. С.-Петербургъ, декабря 10 дня, 1852 года".

VI.

Въ годъ полученія диплома Боклевскій рѣшается уѣхать за границу для совершенствованія въ живописи и для изученія исторіи искусствъ. Есть основаніе предполагать, что поѣздка эта имѣла опредѣленную цѣль — подготовиться къ полученію въ Академіи Художествъ каѳедру профессора живописи. И вотъ Боклевскій оставляетъ въ Россіи молодую жену и дѣтей и ѣдетъ на два года въ Западную Европу. Здѣсь онъ посѣтилъ выдающіеся города и въ нихъ музеи, картинныя галлереи, академіи художествъ, выдающіеся соборы, монастыри, дворцы и вообще все то, гдѣ было возможно почерпнуть знаніе и основательное изученіе искусства. Особенно долго прожилъ Боклевскій въ Парижѣ, изучая живопись au pastel въ мастерскихъ Лятура и Видаля[1]).

Зная отлично французскій, нѣмецкій и латинскій языки, Боклевскій безъ затрудненія знакомился съ худо-

---

[1]) Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи, Н. Рамазанова, Москва, 1863 г., кн. 1-я, стр. 282.

жественными сокровищами Запада. Латинскій же языкъ, на которомъ Боклевскій могъ свободно объясняться, давалъ ему возможность подолгу гостить и бесѣдовать съ разными аббатами въ монастыряхъ, аббатствахъ и т п.

Боклевскій, за отсутствіемъ въ то время удобнаго передвиженія, исходилъ пѣшкомъ Италію, Швейцарію, Южную Францію и Испанію, останавливая свое вниманіе на всемъ замѣчательномъ въ природѣ и искусствѣ и собирая богатый матеріалъ для будущаго. Такимъ образомъ, у Боклевскаго накопилось масса этюдовъ, эскизовъ, картинъ, замѣтокъ. Кромѣ того Боклевскій посѣщалъ тѣ библіотеки, гдѣ онъ могъ изучать европейское искусство, дѣлалъ выписки, а въ магазинахъ покупалъ книги, брошюры и т. п. Цѣлью собиранія такого обширнаго матеріала было, между прочимъ, желаніе Боклевскаго по возвращеніи въ Россію, заняться составленіемъ исторіи искусствъ, которой въ то время на русскомъ языкѣ не было, а иностранныя исторіи были мало доступны русскому обществу.

Всякихъ этюдовъ, эскизовъ, альбомовъ и книгъ накопилось у Боклевскаго много, но, къ несчастью, всѣ эти интересные и важные матеріалы безслѣдно пропали самымъ злополучнымъ образомъ. Вотъ что объ этомъ разсказывалъ самъ Боклевскій. Путешествіе въ то время по Европѣ производилось почти исключительно въ дилижансахъ,— желѣзныхъ дорогъ было еще и тамъ очень мало. Везти съ собою, кромѣ обыкновеннаго багажа, еще чемоданы съ бумагами было и дорого и крайне обременительно, почему Боклевскій и рѣшился отправить ихъ въ Петербургъ моремъ, черезъ транспортную контору. Это было осенью 1853 года, и вещи повидимому, зазимовали въ одномъ изъ заграничныхъ портовъ, а въ Петербургъ пришли только весной 1854 года. Попали они, наконецъ, въ таможню со всѣми ея мытарствами. Боклевскій жилъ въ то время въ Москвѣ, хлопоталъ о полученіи своей клади, но въ это время начиналась война Россіи съ «Союзниками», и все вниманіе отвлекалось на это грозное событіе, а обычныя, житейскія потребности и дѣла отодви-

гались на задній планъ. Словомъ—всѣ хлопоты Боклевскаго о возвращеніи ему его чемодановъ ни къ какимъ результатамъ не приводили, тѣмъ болѣе, что необходимы были разныя сношенія съ нашими заграничными консульствами, а политическій моментъ этому далеко не благопріятствовалъ. Въ результатѣ чемоданы пропали и никогда не были возвращены Боклевскому. Отчасти поэтому, а можетъ быть и по другимъ неизвѣстнымъ намъ причинамъ, Боклевскій оставилъ свое намѣреніе искать профессуру въ Академіи Художествъ.

Весьма возможно, что наиболѣе сильное вліяніе на такое рѣшеніе имѣли матеріальныя обстоятельства нашего художника. Вернувшись домой послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтняго пребыванія за границей, Боклевскій сразу окунулся въ прозу жизни. Нужны были деньги, а онъ не не могъ ихъ заработать, не поступаясь своими завѣтными мечтами. Пришлось обратиться къ заработку, который врядъ ли былъ по душѣ человѣку, мечтавшему о болѣе высокомъ. И вотъ Боклевскій принялся работать портреты по заказамъ. Къ этому времени относятся портреты графа А. А. Нессельроде, К. Т. Солдатенкова, откупщика Кокорева, графа Кушелева-Безбородко, Воронцова-Дашкова и мн. др. Къ этому же времени относятся и первыя художественныя работы, имѣющія тѣсную связь съ отечественной литературой. Сначала онъ исполняетъ «характеристическія виньетки» къ сочиненіямъ М А. Стаховича, потомъ сдѣлалъ картинки къ разсказу В. И. Даля о Синопскомъ пораженіи и, наконецъ, иллюстрировалъ комедію Островскаго «Бѣдность не порокъ» и «Не въ свои сани, не садись». Въ то же приблизительно время онъ задумалъ наиболѣе важный трудъ, доставившій ему такую извѣстность,—иллюстрированіе произведеній Гоголя.

VII.

Середина пятидесятыхъ годовъ—это наиболѣе важный моментъ въ жизни Боклевскаго. Въ эти годы, сейчасъ по

возвращенiи изъ-за границы онъ сближается, благодаря своему университетскому товарищу Аполлону Григорьеву, съ кружкомъ людей, извѣстнымъ въ исторiи нашей литературы подъ именемъ «Молодой редакцiи *Москвитянина*».

Произошло это слѣдующимъ образомъ. Журналъ «Москвитянинъ», основанный въ 1841 году извѣстнымъ историкомъ М. П. Погодинымъ для борьбы «за старыя преданiя» русской исторiи и литературы съ такъ называемыми сторонниками западничества. Борьба съ этимъ теченiемъ велась здѣсь «не на животъ, а на смерть». Здѣсь впервые Западъ былъ названъ «разлагающимся трупомъ» за «развратъ мышленiя и безстыдство знанiя». Зато Востокъ, т.-е. Россiя, превозносился до небесъ: истинная здоровая государственная жизнь сохранилась только здѣсь. Литературная критика стояла тоже «за старину». Еще признавали Пушкина, какъ поэта, но отрицали Лермонтова; осмѣивали «натуральную школу» Гоголя (хотя изрѣдка печатали его мелкiя произведенiя послѣднихъ лѣтъ его жизни) и образцомъ прозы считали прозу Карамзина. Журналъ успѣха у публики не имѣлъ, въ 1846 году насчитывалъ не болѣе 300 человѣкъ подписчиковъ и долженъ былъ временно прiостановиться. Въ 1847 году онъ началъ опять выходить подъ новой редакцiей, но продолжалъ падать и, конечно, прекратилъ бы свое существованiе навсегда, если бы въ 1850 не произошла новая радикальная перемѣна въ составѣ редакцiи. Съ этого года въ число членовъ редакцiи вошелъ сначала А. Н. Островскiй, потомъ Аполлонъ Григорьевъ, Мельниковъ-Печерскiй, Писемскiй, Б. Алмазовъ, И. Ѳ. Горбуновъ, А. Потѣхинъ, С. Максимовъ, Н. Рубинштейнъ, Н. Рамазановъ и друг. Такимъ образомъ составилась «Молодая редакцiя *Москвитянина*», дѣятельность которой представляетъ одну изъ страницъ въ исторiи русской литературы.

Какъ и почему составилась эта «молодая редакцiя» даетъ намъ разъясненiе извѣстный писатель, авторъ книги «Годъ на сѣверѣ», — С. В. Максимовъ[1]). По его словамъ,

[1]) А. Н. Островскiй (по моимъ воспоминанiямъ) С. Максимова, „Русская Мысль“, 1897 г. Мартъ.

«невольное тяготѣніе и сродство душъ», — вотъ что объединило «всѣ наличныя художественныя силы Москвы», вотъ что заставило ихъ слиться «естественнымъ образомъ въ тѣсномъ сближеніи». Къ этому тѣсному кружку примкнули не только извѣстныя литературныя силы, но и выдающіеся музыканты (Н. Рубинштейнъ и Дютшъ) и художники. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Боклевскій.

Максимовъ описываетъ вступленіе Боклевскаго въ составъ «Молодой редакціи «Москвитянина» слѣдующимъ образомъ.

«П. М. Боклевскій, къ самому началу литературной извѣстности Островскаго, успѣлъ вернуться изъ-за границы, куда ѣздилъ для изученія школъ живописи (преимущественно испанской), по окончаніи полнаго университетскаго курса. Съѣздилъ онъ не только въ Италію, но и въ Испанію счастливцемъ для тѣхъ временъ строжайшихъ запретовъ на выѣздъ, осложненныхъ большими хлопотами и усиленныхъ дороговизною заграничныхъ паспортовъ. Когда выросла слава Островскаго, Боклевскій явился къ нему на помощь, какъ толковникъ художественныхъ красотъ (курс. нашъ) во всеоружіи опыта и силы. Испробовавъ ихъ въ блестящихъ, всѣмъ извѣстныхъ, рисункахъ бойкимъ мастерскимъ карандашемъ типовъ «Мертвыхъ Душъ» и другихъ произведеній Гоголя, Петръ Михайловичъ съ такою же любовью и съ такимъ же точно проникновеніемъ въ суть творческаго замысла изобразилъ типы изъ комедіи «Бѣдность не порокъ». Они плѣнили Тургенева въ оригиналѣ до такой степени, что онъ добровольно вызвался дать имъ ходъ и заботливо хлопоталъ объ изданіи рисунковъ у петербургскихъ издателей».

Вотъ какое значеніе дѣятельности Боклевскаго придавалъ Максимовъ, — «толковника художественныхъ красотъ» произведеній Островскаго! — Это ли не важная роль въ дѣлѣ просвѣщенія тогдашней Россіи?

Центромъ кружка былъ Островскій, и только этотъ замѣчательный человѣкъ могъ объединить и, что еще важнѣе, скрѣпить это объединеніе самыхъ разнообразныхъ

людей. Максимовъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ изображаетъ эту выдающуюся роль Островскаго. Это сближеніе передовыхъ людей московской интеллигенціи въ особенный кружокъ,—говоритъ онъ,—если и произошло отъ того, что, по случайному совпаденію, всѣ были «ровесниками», т.-е. ровнями по годамъ, то, съ другой стороны, скрѣпленію его главнѣйшимъ образомъ содѣйствовало другое важное обстоятельство: всѣ они безусловно были «сверстниками»: сплоченность союза облегчалась тѣмъ, что подошли другъ къ другу подъ ладъ и подъ стать. Тѣмъ не менѣе, мягкой и любящей, снисходительной и уступчивой натурѣ А. Н. Островскаго значительною долею обязанъ былъ этотъ кружокъ тѣмъ, что дружно велъ свое дѣло и не расходился долгое время, несмотря на замѣчательное разнообразіе составныхъ элементовъ. Въ московскомъ разобщенномъ обществѣ, охотно и ярко предъявлявшемъ наклонность къ уединенію и отчужденію отъ того, что находится внѣ сферы личныхъ коммерческихъ интересовъ, уже одна эта возможность сближенія составляетъ немалую заслугу. Быть же связующимъ звеномъ въ такомъ разнохарактерномъ сборѣ видимо не подходящихъ лицъ, въ какомъ поставили Александра Николаевича случайныя обстоятельства, это уже нѣчто, выходящее изъ ряда всеобщихъ обычныхъ явленій. Уральскій казакъ и торговецъ изъ оптоваго склада Ильинскихъ рядовъ, знаменитый виртуозъ, не имѣвшій себѣ соперниковъ въ Москвѣ и раздѣлявшій славу съ Антономъ Рубинштейномъ и его братомъ Николаемъ, и рядомъ кимровскій мужичекъ — бывшій сапожникъ; учитель чистописанія и рисованія и извѣстные критики эстетики; землемѣръ и актеры—всѣ объединены и согласованы, всѣ, подъ однимъ знаменемъ служенія изящному и любви къ народу, исполняютъ честный долгъ передъ дорогой и святой родиной.

Молодая редакція «Москвитянина», въ изображеніи Максимова, была исключительнымъ явленіемъ въ тогдашней русской жизни. Сила ея зиждилась прежде всего на тѣхъ этическихъ началахъ, которыя были поставлены во

главѣ дѣятельности этого кружка. Отношенія между членами его были очень простыя, чисто братскія, ибо ни у кого не было корыстныхъ стремленій. Всѣ дѣйствовали изъ чисто идеальныхъ побужденій. «Особенная умилительная сердечная простота во взаимныхъ отношеніяхъ,—говоритъ Максимовъ —господствовала въ полной силѣ здѣсь. въ безыскусственной обстановкѣ жизни нашего великаго писателя. Онъ въ коротенькой поддѣвочкѣ нараспашку, съ открытою грудью, въ туфляхъ, покуривая жуковскій табакъ, изъ черешневаго чубука, съ ласковой и неизмѣнно-привѣтливой улыбкой встрѣчалъ всякаго, кто получилъ къ нему право входа. Требованія для того были скромны, но обусловлены твердо и рѣшительно, не по писанной инструкціи, а на основахъ обычнаго права: обязательно быть прежде всего русскимъ человѣкомъ и доказать свои услуги какой-либо изъ отраслей родного искусства, той или другой безразлично. Если давалось преимущество литературнымъ и театральнымъ дѣятелямъ, то это зависѣло оттого, что самъ хозяинъ исключительно въ эту сторону обратилъ всю свою любовь и здѣсь же укрѣпилъ свои вѣрованія безраздѣльно и безповоротно.

Открытое исповѣданіе этой твердой и непоколебимой вѣры въ силу и мощь народнаго духа онъ успѣлъ уже предъявить громогласно ко всенародному извѣстію, — и сталъ онъ посвященнымъ избранникомъ. Неразлучная съ вѣрой любовь къ отечественному искусству и родному слову, обаяніемъ своимъ, послужила притягательной силой, — и избранникъ сталъ во главѣ первенствующимъ. Неотложно объявились у него пособники и не замедлили вскорѣ затѣмъ явиться поклонники. Всякій принесъ свою посильную лепту, а при жертвахъ и на эти доброхотные вклады усилились и средства къ укрѣпленію самой вѣры и облегчилось поступательное движеніе по тернистому пути, къ открытой и ясно обозначившейся, сквозь полумракъ, желанной цѣли. Соединенныя усилія уже одни обнадеживали успѣхомъ, несмотря на то,. что дорога тянулась по рытвинамъ, черезъ груды наваленныхъ препонъ, и мосты черезъ рѣки были поломаны или совсѣмъ

разрушены, и подъемы на горы либо запущены и заброшенными стали заростать, либо намѣренно были попорчены такъ, что не только ослабѣвала надежда на какую-либо побѣду, но не доставало и многихъ орудій, необходимыхъ и пригодныхъ для борьбы. У старорусскихъ богатырей на эти роковые случаи недобрыхъ встрѣчъ съ препонами припасено было вѣщее слово зарока — идти дорогою прямоѣзжею и твердо вѣровать, что все то не Божіимъ изволеніемъ, а по злому вражьему попущенію. Шли увѣренно впередъ, и эти новые, по завѣтамъ старыхъ, и вели борьбу неустанно, испытывая временами тяжелыя пораженія, но временами же освѣжаясь и укрѣпляясь сладкими плодами счастливыхъ побѣдъ. Когда же совсѣмъ разсвѣло, исчезъ ночной сумракъ и загорѣлось на небѣ яркое красное солнце, оказалось, что въ честной борьбѣ у этихъ путниковъ прибавилось силы. За великую любовь ихъ не только досталась побѣда съ одолѣніемъ, но и въ силу того, на законныхъ основаніяхъ, много имъ было выдѣлено въ пріобрѣтеніе и приращеніе добровольно уступленнымъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ въ прямую награду за старые труды и дознанные подвиги. Какъ до этой поры закаляла въ мужество эта любовь къ родинѣ и страдающему меньшему брату, такъ теперь, когда и для этого наступили счастливые дни, старая любовь еще болѣе окрѣпла и, сдѣлавшись сознательною, повела къ новымъ побѣдамъ и пріобрѣтеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разбираясь въ воспоминаніяхъ о прожитомъ и провѣряя свои давнія наблюденія надъ видѣннымъ, слышаннымъ и испытаннымъ, увѣренно приходишь къ заключенію,—говоритъ Максимовъ,—что единственно любовь къ народу руководила всѣми мыслями и дѣяніями того московскаго литературнаго кружка, которому посвящены эти строки».

Мы нарочно такъ долго остановились на воспоминаніяхъ Максимова, ибо усматриваемъ въ нихъ лучшую характеристику всѣхъ членовъ «Молодой редакціи», а, значитъ, и интересующаго насъ въ данномъ случаѣ художника Боклевскаго. И, дѣйствительно, Боклевскій былъ,

какъ и прочіе члены кружка, идеалистомъ и народолюбцемъ. Онъ не отставалъ отъ своихъ друзей въ стремленіи принести посильную пользу родинѣ своими художественными трудами, а также и личнымъ участіемъ въ проведеніи «великихъ реформъ». Всѣ въ то время были глубоко убѣждены, что сочиненія Гоголя и Островскаго имѣютъ не только художественное, но и общественное значеніе. Создавая свои рисунки къ этимъ сочиненіямъ, Боклевскій несомнѣнно, дѣйствовалъ въ томъ убѣжденіи, что наглядное изображеніе типовъ изъ произведеній Гоголя и Островскаго будетъ способствовать ихъ уразумѣніе, расширитъ сферу ихъ вліянія, глубже врѣжется въ сознаніе читателей.

Роль «толковника» выдающихся литературныхъ произведеній того времени исполнялась Боклевскимъ вполнѣ сознательно. Лишь только появлялся новый литературный талантъ, этотъ широко образованный и чуткій художникъ сейчасъ изображалъ наглядно, при помощи карандаша или кисти, то, что являлось «сутью» его произведеній. Интересно отмѣтить здѣсь, что «открытіе» знаменитаго впослѣдствіи разсказчика И. Ф. Горбунова состоялось не безъ участія Боклевскаго. «Знакомство въ началѣ пятидесятыхъ годовъ съ «молодою редакціею «Москвитянина», говоритъ А. Ѳ. Кони, имѣло большое вліяніе на развитіе Горбунова. Кружокъ молодой редакціи распозналъ въ скромномъ разсказчикѣ «Утра квартальнаго надзирателя» и сценъ изъ быта фабричныхъ — настоящаго художника и, по выраженію Т. И. Филиппова, «усвоилъ себѣ» Горбунова» [1]). Боклевскій тоже участвовалъ въ этомъ усвоеніи: онъ иллюстрировалъ эти разсказы. Одинъ изъ этихъ рисунковъ, сдѣланный въ 1854 году къ «Утру квартальнаго надзирателя» воспроизведенъ въ «Ежегодн. Имп. театровъ» за 1895—96 г. [2]).

Рисунки Боклевскаго производили сильное впечатлѣніе даже на строгихъ критиковъ и знатоковъ живописи того вре-

[1]) Полн. Собр. Соч. И. Ѳ. Горбунова, С.П.Б. 1904 г. т. I, стр. 98.
[2]) См. „Изъ давнихъ воспоминаній". С. В. Максимова, стр. 479.

мени. Выше мы приводили свидѣтельство Максимова, что они плѣнили И. С. Тургенева до такой степени, что онъ добровольно вызвался хлопотать у Петербургскихъ издателей объ ихъ изданіи. Любопытное письмо по этому поводу находимъ въ воспоминаніяхъ того же Максимова объ извѣстномъ разсказчикѣ И. Ф. Горбуновѣ [1]). Написано оно Тургеневымъ 10 февраля 1855 г. и адресовано Островскому. Приводимъ его въ виду значительности общаго интереса цѣликомъ:

«Милостивый Государь Александръ Николаевичъ. Вы можетъ быть уже знаете, что я на другой день послѣ моего посѣщенія у васъ въ Москвѣ занемогъ и цѣлую недѣлю сидѣлъ дома. Потомъ я попалъ въ тотъ несчастный поѣздъ желѣзной дороги, который трое сутокъ слишкомъ былъ задержанъ метелью; а прибывши наконецъ сюда, я опять занемогъ, и опять не выхожу изъ комнаты. Этому непріятному стеченію обстоятельствъ слѣдуетъ приписать, что я до сихъ поръ ничего не могъ вамъ написать о г. Горбуновѣ, потому что не видѣлъ еще Θедорова, но какъ только выздоровѣю, тотчасъ пойду къ нему и подробно напишу вамъ результаты нашего свиданія. Теперь же, по порученію редакторовъ «Современника» обращаюсь къ Вамъ съ вопросамъ: не хотите ли вы помѣстить послѣднюю комедію у нихъ въ журналѣ. Они примутъ ее съ радостью и предлагаютъ Вамъ за нее 250 руб. сер. Если вы согласитесь, то можете выслать ее на мое имя, и поскорѣе, потому что они хотѣли бы помѣстить ее въ Мартовской книгѣ. Также я попросилъ бы васъ, если это возможно, прислать ко мнѣ нѣсколько рисунковъ г. Боклевскаго (если не къ «Бѣдность – не порокъ» то хотя другія): я пока бы ихъ здѣсь показывалъ людямъ со вліяніемъ и это могло бы послужить въ пользу г. Боклевскому, произведенія котораго очень бы нужно было вывести на свѣтъ. Прошу васъ отвѣтить на оба мои запроса, чѣмъ весьма

[1]) „Неподражаемый разсказчикъ". С. Максимовъ, Рус. Мысль, 1896 г., декабрь.

Аутопортретъ 1864 г. (Литографія).

меня обяжете. Я видѣлъ Писемскаго, который велѣлъ Вамъ кланяться. Онъ уже поступилъ на службу и дѣла его на хорошей дорогѣ. Нечего говорить, что рисунки г. Боклевскаго будутъ возвращены въ совершенной цѣлости и исправности. Прошу поклониться Садовскому, г.г. Горбунову и Эдельсону. *И. Тургеневъ.*

Мы не знаемъ, увѣнчались ли хлопоты Тургенева успѣхомъ. Возможно, что благодаря именно Тургеневу вскорѣ были изданы гр. Кушелевымъ-Безбородко рисунки Боклевскаго къ нѣсколькимъ комедіямъ Островскаго.

VIII.

Важную роль въ сближеніи Боклевскаго съ литераторами того времени играло несомнѣнно и то обстоятельство, что онъ страстно любилъ литературу и былъ замѣчательнымъ чтецомъ. Говорятъ, что никто изъ кружка «молодой редакціи» не умѣлъ такъ хорошо читать Гоголя, какъ Боклевскій. А. Бутурлинъ, встрѣчавшійся съ Боклевскимъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ дарѣ нашего художника. «Было это въ «Московскомъ трактирѣ» (теперешняя «Большая Московская гостиница»), который тогда содержалъ купецъ Гуринъ. Я былъ въ этомъ трактирѣ съ моимъ пріятелемъ (и родственникомъ), покойнымъ Алексѣемъ Герасимовичемъ Орфано, который былъ знакомъ съ Боклевскимъ. Орфано сказалъ мнѣ, что Боклевскій (о которомъ я уже тогда слышалъ, какъ о талантливомъ рисовальщикѣ) пріѣхалъ въ Москву и сейчасъ будетъ въ трактирѣ. Когда Боклевскій пріѣхалъ, Орфано познакомилъ меня и пригласилъ посидѣть съ нимъ и съ Боклевскимъ въ отдѣльной комнатѣ. Мы провели тамъ около часа. Боклевскій пріѣхалъ тогда въ Москву изъ одного изъ сѣверныхъ городовъ Европейской Россіи. Это былъ представительный человѣкъ, съ довольно большой, сильно посѣдѣвшей бородой. О чемъ шла бесѣда—я не помню. Помнится только, что Боклевскій говорилъ, кажется, о

своемъ намѣреніи иллюстрировать Островскаго. Но я хорошо помню, что Боклевскій прочелъ вслухъ, изъ недавно вышедшей тогда книжки «Отечественныхъ записокъ», очеркъ Щедрина, заглавія котораго я не помню, но въ которомъ повѣствуется о поѣздкѣ іомудскаго принца въ Петербургъ, при чемъ принцъ взялъ себѣ въ руководители татарина Хабибулу, служившаго половымъ въ одномъ изъ петербургскихъ трактировъ. Прочелъ Боклевскій этотъ очеркъ очень талантливо, мастерски подражая русскому языку въ устахъ татарина. У меня до сихъ поръ звучатъ въ ушахъ слова іомудскаго принца, въ передачѣ Боклевскаго, о томъ, какъ принцъ, въ каждомъ встрѣчавшемся на пути городѣ, «ружьемъ стрѣлилъ, плечомъ цѣловалъ, орденъ Ишакъ давалъ, тармалама на халатъ дарилъ», а такъ же безпрерывные возгласы принца, обращенные къ татарину половому: «учи меня Хабибула, пожалста учи!» [1]).

Когда Боклевскій жилъ съ своей семьей въ Москвѣ, члены «молодой редакціи «Москвитянина» часто у него собирались. Въ его домѣ бывали особенно часто критикъ Эдельсонъ, С. В. Максимовъ, Провъ Садовскій, П. И. Якушкинъ, Т. И. Филипповъ, а потомъ и извѣстный собиратель пѣсенъ и сказокъ Шейнъ.

Нерѣдко бывали здѣсь и художники, между прочимъ и Н. Рамазановъ, который, какъ сказано выше, оставилъ намъ интересныя воспоминанія о работахъ Боклевскаго, конца пятидясятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ.

Здѣсь умѣстно будетъ привести въ извлеченіи отзывъ Рамазанова объ этихъ работахъ нашего художника уже хотя бы потому, что нѣкоторые изъ рисунковъ, главнымъ образомъ, ко второй части «Мертвыхъ душъ», до насъ не дошли. Отзывъ этотъ имѣетъ къ тому же и общій интересъ. [2]).

Рамазановъ сначала касается того перелома, который про-

---

[1]) Изъ письма къ автору книги.
[2]) „Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи", стр. 278.

изошелъ вообще въ дѣятельности современныхъ ему художниковъ. «Время и общество, говоритъ онъ, имѣютъ неотразимое вліяніе на художника. Прежде искалъ онъ тишины, уединенія, отдалялся отъ общества, дабы дрязги вседневной жизни не падали на его душу и не гасили чистаго пламени, зароненнаго въ грудь избранника, поддерживаемаго лишь помыслами, всегда обращенными въ горняя; теперь, наоборотъ, художникъ ищетъ общества и идеалы свои находитъ въ средѣ его. Съ жаждою нравственнаго возвышенія человѣка и достоинства гражданина, беретъ нынѣ перо въ руки писатель, а художникъ, болѣе знакомый съ практическою жизнью, нежели съ заоблачнымъ міромъ, ищетъ чрезъ свое искусство уяснить, сдѣлать болѣе осязательнымъ все то, что высказано писателемъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, начало иллюстрацій и политипажей, которые, если выходятъ отъ таланта, то, безъ сомнѣнія, составляютъ также достояніе искусства. Иллюстрированныя творенія Шекспира, Мольера, Гете и другихъ писателей не представили ли еще нагляднѣе, для большинства, личности, созданныя поэтами?».

По мнѣнію Рамазанова, въ тогдашней Россіи произошелъ такой же переломъ, и художники стали создавать иллюстраціи къ «Капитанской дочкѣ», къ «Старосвѣтскимъ помѣщикамъ» (П. П. Соколовъ), къ «Мертвымъ душамъ» (Агинъ). Но, къ сожалѣнію, они остались либо неизданными (рисунки Соколова), либо не оконченными (Агинъ).

Подъ вліяніемъ этого общаго теченія, по мнѣнію Рамазановъ, сталъ рисовать свои иллюстраціи и Боклевскій, часть которыхъ, — иллюстраціи къ комедіямъ Островскаго, — «дѣлались во время чтеній комедій», повидимому, самимъ авторомъ. Однако не эти рисунки привели въ восторгъ Рамазанова и тѣхъ художниковъ, которые разсматривали ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Ихъ привели въ восторгъ рисунки ко второму тому «Мертвыхъ душъ», ибо здѣсь, по его словамъ, «особенно проявилась изобрѣтательность и полное послушаніе карандаша фантазіи художника».

«Кто не узнаетъ, напримѣръ, говоритъ Рамазановъ,

въ Андреѣ Ивановичѣ Тентетниковѣ, курящемъ трубку, именно коптителя неба?—Глядя на буфетчика Григорья и Перфильевну, кажется, слышишь ихъ перебранку; но первый, повидимому, уступаетъ озлобленной бабѣ и побаивается ея жестовъ и движеній. Въ рисункѣ бородъ заступомъ, лопатой и клиномъ г. Боклевскій даритъ такимъ изящнымъ рисункомъ прекрасныхъ и характерныхъ мужицкихъ головъ, которыя желательно было бы видѣть исполненными и въ живописи, какъ по благородству, такъ и по чрезвычайной красотѣ изображенныхъ лицъ. Приказчикъ—баба, о которомъ Гоголь говоритъ: хоть одѣньте его въ юбку, поневу, дабы вести счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами,—нарисованъ такъ, что дѣйствительно онъ ни на что другое. кромѣ этого, не способенъ. Въ Александрѣ Петровичѣ, воспитателѣ Тентетникова, вы увидите умную, степенную и увлекательную старческую физіономію. Изъ склада лица Лѣницина, такъ и видно, что онъ «въ разговорахъ съ высшими весь превращается въ какой-то приторный сахаръ,—и въ уксусъ, когда обращается къ нему подчиненный». Глядя на дядю Тентетникова, кажется слышишь какъ онъ говоритъ о различіи между деревней и городомъ: «какое же общество можемъ быть между мужичьемъ! Здѣсь все-таки на улицѣ попадется генералъ, князь; пройдешь и самъ мимо кого нибудь, а вѣдь тамъ въ деревнѣ, что ни попадется,—все, или мужикъ, или баба».—А вотъ и сосѣди Тентетникова: отставной гусаръ-поручикъ, охотникъ курить трубку. На лицѣ его играетъ веселье, безпечность; видно, что этому человѣку все трынъ-трава; самая посадка его на стулѣ представляетъ вполнѣ жизнь и ухватки бывалаго кутилы; на лицѣ и осанкѣ Бетрищева какъ будто написано, что онъ любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтеніе; самъ же визитовъ не платилъ. Когда мы увидѣли Пѣтуха, выходящаго изъ воды, то долго, долго не могли перестать смѣяться, такъ много въ этой оригинальной фигурѣ истинно комичнаго; дѣти Пѣтуха—Александрѣ и Николаша, самодовольно курящіе, съ глупоребяче-

скими пріемами, вѣрны до поразительности; но характерныхъ лицъ, превосходно нарисованныхъ Боклевскимъ, чрезвычайно много и всѣ они: Вышнепокромовъ, Чичиковъ, Селифанъ, Петрушка, Улинька, Черненькіе, сцена Пѣтуха съ поваромъ, Платоновъ, г-жа Костанжогло, мужъ ея, заѣзжій кулакъ, Кошкаревъ, Хлобуевъ и другіе, исполнены большой типичности, какъ и лица изъ комедіи «Ревизоръ».

Жандармъ изъ „Ревизора“. (Эскизъ.)

Когда цѣлое общество художниковъ разсматривало эти работы, то при взглядѣ на рисунокъ, изображающій Харосанову, старуху-милліонщицу, одинъ изъ нихъ замѣтилъ: отъ такого рисунка не отказался бы и самъ Карлъ Брюлловъ! А отъ всѣхъ вмѣстѣ не отказался бы и Гаварни. Но къ чему сравненія? Скажемъ просто: рисунки ко второму тому «Мертвыхъ душъ» и «Ревизору», Боклевскаго, представляютъ вполнѣ художественный любопытный трудъ».

Какъ жаль, что многіе изъ этихъ рисунковъ до насъ не дошли, или, во всякомъ случаѣ, не опубликованы. Несомнѣнно, представляла огромный интересъ и серія рисунковъ подъ общимъ названіемъ «Параллели». Въ нихъ Боклевскій, по словамъ Рамазанова, выразилъ разницу между двумя натурами: свѣжею, здоровою, представителями которой русскіе простолюдины, и

дряхленькою, истасканною, какова натура многихъ свѣтскихъ франтовъ. Въ параллель молодому денди, со стеклышкомъ въ глазу, поставленъ ровесникъ его — русскій парень; а важному барину, едва передвигающемуся отъ истощенія и подагры въ ногѣ, но все еще желающему молодиться подъ своимъ, какъ смоль чернымъ и завитымъ парикомъ, поставленъ старикъ крестьяиинъ, сѣдой какъ лунь, но крѣпкій какъ кремень. Далѣе, рисунки изъ жизни мужика: его утро,— онъ обсѣваетъ свою ниву, «раскидывая горстью сѣмена смѣло и ровно, не передавши ни зернышка на ту или другую сторону», — какъ выразился Гоголь; — его полдень, когда вся семья сидитъ за обѣдомъ и молодая невѣстка вводитъ нищаго, котораго приглашаетъ старикъ отецъ раздѣлить честную ихъ хлѣбъ-соль; потомъ вечеръ: мужикъ везетъ послѣднюю копну сѣна съ поля; верхомъ на его лошади сидитъ, держась за дугу, старшій сынокъ, а меньшой на рукахъ у бабки; дѣдъ смѣется отъ удовольствія, глядя на эту буколическую картину. Въ параллель этому рисунку, изображающему трудолюбивый бытъ простолюдиновъ, поставлены занятія важнаго барина. Послѣдній совершаетъ свой утренній туалетъ; дантистъ приноситъ ему свѣжія челюсти, парикмахеръ убираетъ новый парикъ для безволосой головы. Нарядился важный баринъ и выходитъ въ полдень на прогулку; идетъ онъ и бодрится, любезничая съ махровой камеліей, которая строитъ ему глазки; въ это время слѣпой нищій протягиваетъ руку за милостыней къ идущимъ господамъ, что возбуждаетъ гнѣвъ полицейскаго, стремящагося оттолкнуть дерзкаго нищаго. Затѣмъ вечеръ важнаго барина: онъ на балѣ, разфранченъ, и ему граціозно присѣдаетъ молодая особа, возбуждая тѣмъ умиленіе своей полновѣсной маменьки,—и насмѣшку львицы, которой, на этотъ случай, сообщаетъ свои остроумныя замѣчанія перезрѣлый свѣтскій франтъ.

Свое описаніе этихъ рисунковъ Рамазановъ оканчиваетъ слѣдующими словами:

«Параллели» Боклевскаго, исполненныя ума, чувства,

яркихъ характеристикъ, доступны лишь обладателю ихъ В. А. Кокореву и кругу его знакомыхъ, тогда какъ изданныя, онѣ были бы извѣстны всѣмъ любителямъ».

Къ великому сожалѣнію, скажемъ и мы, эти рисунки совсѣмъ не были опубликованы и въ оргиналахъ (варіантахъ) сохранились лишь въ небольшомъ числѣ. Нѣсколько рисунковъ, между прочимъ, хранится у художника В. Н. Мѣшкова.

Къ этому же времени (вторая половина пятидесятыхъ годовъ) относятся карикатурные рисунки Боклевскаго на патріотическую тему, которые были изданы въ 1855 году въ видѣ альбома подъ заглавіемъ „На нынѣшнюю войну". Альбомъ этотъ сейчасъ представляетъ собою величайшую библіографическую рѣдкость. Состоитъ онъ изъ пяти литографій въ листъ очень хорошей работы. Рисунки иллюстрируютъ весьма распространенное въ Крымскую кампанію стихотвореніе, начинающееся словами:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.

Уменьшенное воспроизведеніе одной притомъ наименѣе сложной карикатуры приводимъ ниже.

Альбомъ „На нынѣшнюю войну" имѣлъ огромный успѣхъ, особенно выше помѣщенный рисунокъ, по которому было изготовлено множество пепельницъ изъ фарфора и бронзы. Ихъ еще и сейчасъ можно встрѣтить въ старинныхъ домахъ и въ лавкахъ антикваровъ.

Карикатуры эти, какъ сказано было выше очень понравились только что вступишему на престолъ императору Александру II, который наградилъ Боклевскаго брилліантовымъ перстнемъ.

IX.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Боклевскій знакомится и сближается съ извѣстнымъ меценатомъ того времени гр. Кушелевымъ-Безбородко, который издавалъ въ то время журналъ „Русское Слово". Этотъ просвѣщенный дѣятель того времени высоко цѣнилъ талантъ Боклевскаго и при его содѣйствіи были изданы иллюстраціи къ комедіямъ Островскаго: къ „Свои люди—сочтемся" въ 1859 году, къ „Бѣдной невѣстѣ" и другимъ комедіямъ въ 1860 году.

Однако эти литографіи совсѣмъ не удовлетворили Боклевскаго. Переводъ рисунковъ на литографскій камень повелъ къ ихъ искаженію, и эти полныя экспресіи иллюстраціи, будучи перерисованы литографомъ - ремесленникомъ, потеряли значительную долю художественности. Это обстоятельство очень огорчило Боклевскаго, и онъ рѣшается завести сначала въ Москвѣ, а потомъ и у себя въ деревнѣ собственную литографію. Съ трудомъ было выхлопотано разрѣшеніе, и Боклевскій прежде всего принимается за работу, которая обрисовываетъ очень хорошо общественное взгляды нашего художника. Изъ великой комедіи Гоголя онъ выбираетъ пять «сценъ» и издаетъ ихъ въ 1863 году въ видѣ рисунковъ, давъ общее заглавіе новому альбому—«Бюрократическій катехизисъ». Подробности объ этомъ «Катехизесѣ» будутъ даны ниже,—въ главѣ объ иллюстраціяхъ къ произведеніямъ Гоголя.

Въ томъ же году, когда вышло первое изданіе «Бюрократическаго катехизиса», появилось и второе изданіе «Галлереи Гоголевскихъ типовъ» – рисунковъ къ «Ревизору». Первое изданіе ихъ, въ числѣ четырнадцати штукъ, вышло въ 1858 году.

Оба эти изданія имѣли огромное значеніе для нашихъ театровъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ провинціальные театры ставили «Ревизора» по рисункамъ Боклевскаго, нашъ «Малый театръ» тоже прибѣгалъ къ нимъ очень часто не только въ то время, но и много лѣтъ спустя.

X.

Реформы 60-хъ годовъ захватили своей идеей и европейски образованнаго Боклевскаго. Онъ, убѣжденный «народолюбецъ», не могъ не сочувствовать освобожденію крестьянъ и тѣмъ реформамъ, которыя впослѣдствіи получили названіе «великихъ». Помѣщикъ и юристъ по

Изъ альбома „На нынѣшнюю войну". (1855 г.)

То-то будетъ удивленье
Для практическихъ головъ,
Какъ высокое давленье
Имъ покажутъ безъ паровъ!

образованію, ученикъ Н. И. Крылова, профессра артиста, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ «эмансипаціи». Однимъ изъ первыхъ среди рязанскихъ помѣщиковъ онъ освобождаетъ своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и отдается общественной дѣятельности. Въ 1864 г. онъ былъ избранъ въ участковые мировые судьи, несъ

судейскія обязанности въ теченіе трехъ трехлѣтій, а потомъ былъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей въ городѣ Скопинѣ.

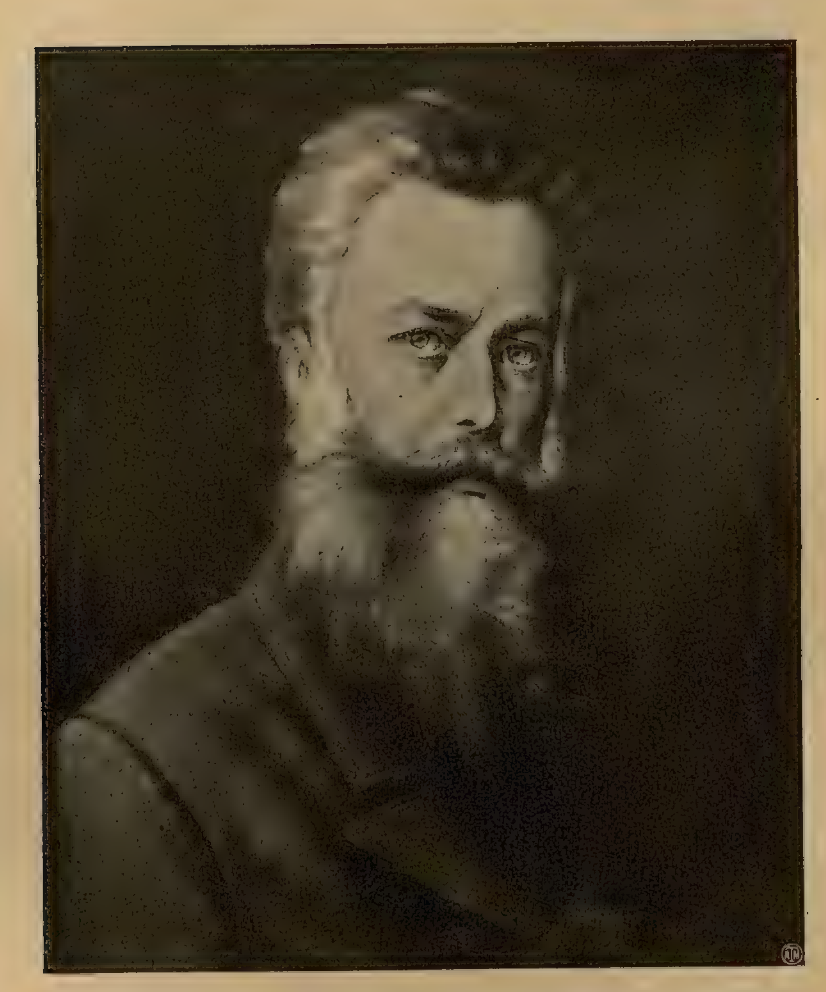
Пожилые жители этого города, по словамъ П. А. Россіева, посѣтившаго лѣтомъ 1909 года могилу Боклевскаго, хорошо помнятъ Петра Михайловича, «бывшаго честнымъ старымъ бариномъ и образчикомъ лучшаго дворянина, самостоятельнаго во взглядахъ, прямого, горделиваго, но не гордаго и самолюбиваго. Онъ могъ возвышать другихъ, но и самъ унижаться не умѣлъ. Это черта, которую обязанъ оттѣнить будущій біографъ Боклевскаго». [1]).

Въ этотъ періодъ жизни Боклевскаго случилось большое несчастіе. Въ 1869 году сгорѣлъ его домъ вмѣстѣ съ литографіей. Въ огнѣ погибли не только литографскіе камни, большое количество готовыхъ литографій, но и масса рисунковъ и иллюстрацій къ Гоголю, Островскому, Тургеневу и другимъ писателямъ, а также много рисунковъ этнографическаго характера—типы рязанскихъ крестьянъ. Особенное сожалѣніе вызывала гибель иллюстрацій къ «Запискамъ охотника». Лица, видѣвшія ихъ, утверждаютъ, что они были очень интересны, какъ по исполненію, такъ и по замыслу. Изъ этой серіи остался только одинъ рисунокъ.

Боклевскій былъ страшно огорченъ гибелью трудовъ болѣе чѣмъ двадцатилѣтней художественной дѣятельности. Къ этому крупному несчастью присоединился въ то же время цѣлый рядъ другихъ неудачъ. Имѣніе, небольшое по размѣрамъ, не давало почти никакихъ доходовъ; приходилось его распродавать по частямъ, чтобы давать образованіе подрастающимъ дѣтямъ. Стѣсненныя матеріальныя обстоятельства заставили подумать Боклевскаго о перемѣнѣ своей карьеры судьи на болѣе выгодную.

И вотъ 1872 году онъ переѣзжаетъ въ Москву, записывается въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ и начинаетъ искать адвокатскихъ дѣлъ. Но не такова была натура нашего художника, идеалиста шестидесятыхъ го-

[1]) „Рус. Арх." 1909 г. № 10.

Аутопортретъ 1868 г. (акварель).

довъ, чтобы онъ могъ взяться за дѣла, несогласныя съ его убѣжденіями.

Отъ этого времени осталась записная книжка Боклевскаго, дающая возможность ближе ознакомиться съ его взглядами на судъ, на преступленіе, на роль защитника и т. д.

Книжка открывается эпиграфомъ: «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

Первыя страницы заполнены пословицами Даля, въ родѣ—«Хороша рѣчь недолгая. Короткую рѣчь слушать хорошо; подъ долгую думать хорошо»; «Не вяжись съ казной—пойдешь съ сумой»; «Царскія милости въ боярскія рѣшета сѣются» и т. д. Главное вниманіе обращено на юридическія пословицы,—они записаны по рубрикамъ «кража», «законъ» и т. п. За пословицами слѣдуетъ цѣлый рядъ выписокъ изъ различныхъ авторовъ, и всѣ онѣ подобраны съ одной цѣлью — оправдать или смягчить участь подсудимаго. Но особенно для насъ интересны конспекты защитительныхъ рѣчей и заключительныя въ нихъ фразы. Вотъ, напримѣръ, мнѣніе Боклевскаго о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. «Едва ли возможно, говоритъ онъ, чтобы человѣкъ, самый безпристрастный и справедливый, въ состояніи былъ изложить событіе точь въ точь такъ, какъ оно совершилось. Въ его разсказѣ непремѣнно окажется или предвзятая мысль, или преувеличеніе или уменьшеніе, или даже исключеніе фактовъ. И все это не потому, чтобы онъ имѣлъ недоброе желаніе или питалъ ненависть къ обвиняемому. Нѣтъ,— потому, что въ природѣ нѣтъ ума абсолютнаго, который былъ бы безгрѣшенъ, безошибоченъ».

Или вотъ заключительныя слова къ рѣчамъ: 1) «Безусловно правдивымъ можетъ быть только человѣкъ безусловно свободный, совершенно независимый». 2) «Чтобы исправить заблудшаго, чтобы сдѣлать его лучшимъ— самый вѣрный, часто единственный способъ—это считать его лучшимъ, вызвать его собственныя хорошія свойства на борьбу съ дурными, признавъ силу за пер-

выми, пробудить его душу къ свѣжей жизни». 3) «Требовать отъ людей непросвѣщенныхъ—понятій и убѣжденій чуждыхъ привычкамъ изъ жизни, есть большая несправедливость» и т. д.

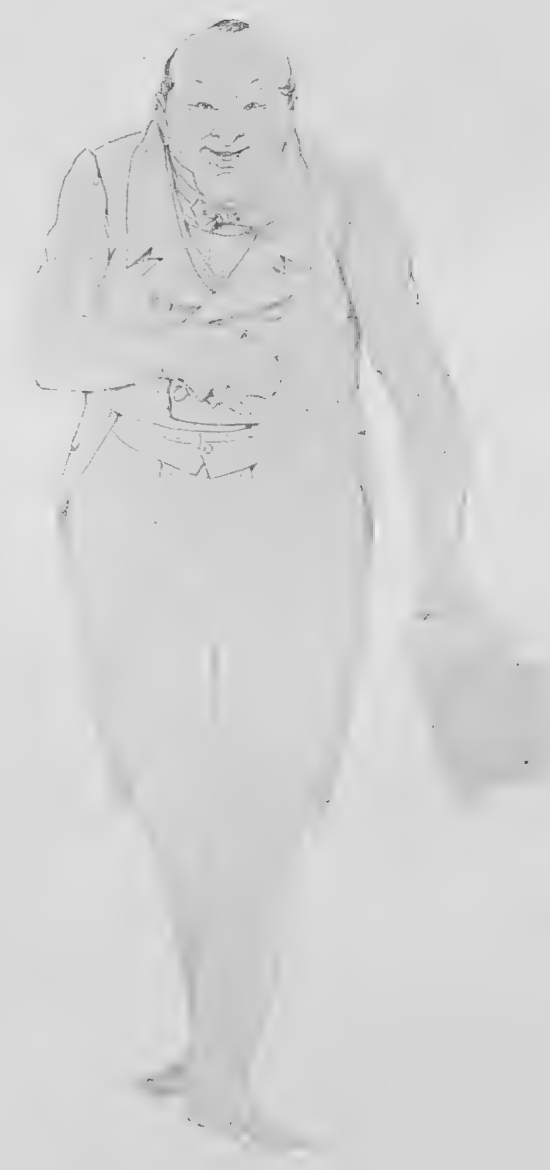
Такихъ изреченій и мыслей въ упомянутой записной книжкѣ—нѣсколько сотенъ. Общій характеръ свидѣтельствуетъ о необыкновенной вдумчивости, сердечности и большомъ умѣ Боклевскаго.

Однако вышеупомянутое качество,— неумѣніе кривить душой и дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій,—очень мѣшало Боклевскому добывать средства къ жизни. Въ Москвѣ стало жить еще труднѣе, чѣмъ въ Скопинѣ, и въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ пришлось вернуться на старое мѣсто—участковаго мирового судьи.

1 января 1883 года Боклевскій понесъ величайшую утрату. Въ этотъ день умерла отъ воспаленія въ легкихъ его жена Варвара Павловна. По общимъ отзывамъ знавшихъ ее людей, это была женщина рѣдкихъ качествъ. Беззавѣтно любя своего мужа, достаточно непрактичнаго, она дѣлала все, чтобы ея мужъ и дѣти не испытывали никакихъ лишеній. Она заботилась о воспитаніи дѣтей, размѣщала ихъ въ различныя учебныя заведенія, вела хозяйство и оберегала мужа отъ житейскихъ невзгодъ. Высоко цѣня художественный талантъ своего мужа, она старалась создать такую обстановку, которая давала бы возможность заниматься любимымъ искусствомъ. Стоитъ только припомнить, что два года спустя послѣ свадьбы, она рѣшилась на почти трехлѣтнюю разлуку съ мужемъ, чтобы понять, какъ мало она дорожила личными удобствами лишь бы видѣть счастливымъ своего мужа. Боклевскій тоже очень любилъ свою жену и всегда считался съ ея критикой, которая была очень строга.

Тяжело было Боклевскому перенести утрату жены, съ которой вмѣстѣ прожили они болѣе 30 лѣтъ. Жить одному въ имѣніи было грустно и онъ переѣзжаетъ осенью 1883 года въ Петербургъ къ только что окончившей медицинскіе курсы дочери Маріи Петровнѣ Лихаревой, уже тогда овдовѣвшей, и здѣсь проводитъ около трехъ лѣтъ.

Въ 1886 году онъ переѣзжаетъ на короткое время въ Москву, а потомъ поселяется съ той же дочерью на 5 лѣтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Здѣсь онъ познакомился, между прочимъ, съ знаменитымъ писателемъ В. Г. Короленко, который высоко цѣнилъ талантъ Боклевскаго. Вотъ что писалъ авторъ «Сна Макара» составителю настоящей біографіи. «Лично я сохранилъ воспоминаніе о красивомъ старикѣ съ молочно-бѣлыми волосами и печатью какого то особеннаго артистическаго изящества. Я видѣлъ оригиналы его иллюстрацій къ «Мертвымъ душамъ». Это были рисунки карандашомъ и соусомъ, въ старинной манерѣ, съ необыкновенно тонкой отдѣлкой. При тогдашнихъ средствахъ воспроизведенія рисунковъ эта тонкость въ передачѣ совершенно исчезала, и Петръ Михайловичъ

Чичиковъ. (Эскизъ).

(а также г-жа Лихарева) говорили, что когда авторъ увидѣлъ свои рисунки изданными въ альбомѣ, — для него это было истинное горе; помню также, что иллюстраціи другихъ авторовъ давались Боклевскому труднѣе. По его словамъ, Тургеневъ, напр., страшно затруднялъ его детальностью въ описаніяхъ своихъ героевъ...

Вотъ, къ сожалѣнію все, что сохранилось въ моей памяти отъ двухъ-трехъ свиданій съ этимъ замѣчательнымъ художникомъ. Лучшихъ иллюстрацій къ Гоголю послѣ рисунковъ Боклевскаго (въ оригиналѣ) я не встрѣчалъ, а Павла Ивановича Чичикова я уже иначе и не представляю, какъ въ образѣ, данномъ Боклевскимъ». [1])

Мы думаемъ, что эти немногія строки нашего писателя, такъ тонко чувствующаго красоту и правду, къ какой бы области искусства онѣ ни относились, — даютъ лучшую характеристику нашего художника...

Послѣдніе годы своей жизни Боклевскій провелъ опять въ Москвѣ неразлучно съ дочерью; попрежнему занимаясь, несмотря на преклонный возрастъ, живописью, передѣлывая въ сотый разъ иллюстраціи, главнымъ образомъ, къ Гоголю и создавая новыя. Благопріятныя условія жизни, вслѣдствіе поддержки со стороны дѣтей, которые всѣ выйдя «въ люди», помогали отцу, дали ему возможность вполнѣ отдаться любимому дѣлу. Объ этихъ годахъ жизни Боклевскаго далъ намъ интересныя свѣдѣнія московскій присяжный повѣренный А. Г. Костенецкій, близко знавшій его. «Меня всегда необыкновенно трогало, говоритъ онъ, то глубокое вниманіе и уваженіе, которое оказывали ему его уже болѣе чѣмъ взрослые дѣти... Это не было только внѣшнее почтеніе дѣтей къ отцу. Нѣтъ; это было самое искреннее уваженіе къ заслужившему это уваженіе патріарху. Мнѣ приходилось это наблюдать, когда около чайнаго стола была въ сборѣ почти вся семья, всѣ сыновья, съѣзжавшіеся съ разныхъ концовъ Россіи. Между ними были уже и сами отцы семействъ, были и довольно большіе

[1]) Письмо отъ 17 іюня 1909 г. изъ Сорочинецъ.

внуки, и трогательно было смотрѣть, съ какимъ вниманіемъ всѣ относились и слушали старика. Восьмидесятые годы не баловали родителей и нерѣдко можно было слышать и рѣзкія замѣчанія и колкости въ разговорахъ родителей съ дѣтьми. Ничего подобнаго я никогда не слы-

Печоринъ. (Эскизъ).

шалъ здѣсь. Всѣ видѣли въ немъ отца, который гордится своими молодцами дѣтьми: всѣ были на прекрасной дорогѣ, самостоятельной работѣ; всѣ видѣли дѣтей, которые съ благодарностью смотрѣли на своего отца и съ глубокимъ уваженіемъ относились къ нему. Это была одна изъ рѣдкихъ въ то время патріархальныхъ семей.

Слишкомъ много прошло времени съ тѣхъ поръ, говоритъ А. Г. Костенецкій далѣе, и память сохранила немного отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни этого интереснаго человѣка. Смутно я припоминаю, какъ вводилъ онъ меня въ свой рабочій кабинетъ. Петръ Михайловичъ посвятилъ большую часть своей жизни на изученіе Гоголя и изображенію его типовъ карандашемъ. Онъ много разъ мѣнялъ и дополнялъ новыми чертами ранѣе изображенныхъ героевъ «Мертвыхъ душъ». Петръ Михайловичъ любилъ этихъ героевъ; рисуя, онъ священнодѣйствовалъ, онъ видѣлъ въ точномъ и яркомъ ихъ выполненіи задачу своей жизни, свое призваніе. Онъ бережно хранилъ эти рисунки и эскизы. И только лицамъ, кого онъ особенно любилъ и цѣнилъ, онъ дарилъ на память одинъ—два рисунка изъ своего огромнаго собранія. Петръ Михайловичъ всегда мечталъ издать эти Гоголевскіе типы, однако ни одно изданіе, изъ появившихся въ то время, его не удовлетворяло; онъ даже глубоко ими возмущался, видя искаженіе того, чему онъ посвятилъ себя въ теченіе долгихъ, долгихъ лѣтъ. Я хорошо помню, какъ онъ заинтересовался возможностью издать эти типы за границей, кажется, въ Гамбургѣ по какому то новому тогда фототипическому способу. Я познакомилъ П. М. съ моимъ большимъ пріятелемъ, два года тому назадъ умершимъ, присяжнымъ повѣреннымъ Д. І. Невядомскимъ, который былъ близокъ съ типографомъ, имѣвшимъ и свое очень хорошее граверное заведеніе М. И. Нейбюргеромъ. Этотъ послѣдній и предложилъ издать Гоголевскіе типы изъ «Мертвыхъ душъ» Боклевскаго за границей. Петръ Михайловичъ далъ для пробы нѣсколько вещей, какъ сейчасъ помню Петрушку, и съ нетерпѣніемъ ждалъ результатовъ. Скоро пришелъ оттискъ, но Петръ Михайловичъ имъ былъ неудовлетворенъ. Конечно, эта работа во много разъ превышала тѣ лубочныя изданія, которыя были въ продажѣ, но П. М. ждалъ чего-то исключительнаго и категорически отказался дать свои типы издать этой фирмѣ. Я помню, какъ долго, какъ внимательно, вооружившись лупой, онъ разсматривалъ доставленный ему

Поэзія бюрократовъ (Изъ „Бюрокр. Катехизиса“). Литографія.

оттискъ. Было ясно, что старикъ страстно желалъ, чтобы труды его многихъ лѣтъ появились въ достойномъ изданіи, но въ то же время въ немъ говорило чувство истиннаго художника, который не хочетъ видѣть, можетъ быть, даже изъ излишней мнительности, свои произведенія испорченными Я помню, что мнѣ изданный оттискъ чрезвычайно понравился; были отъ него въ восхищеніи и Д. І. Невядомскій и Нейбюргеръ. Такъ изданіе и не состоялось...

Муму. (Эскизъ).

Помнится, заканчиваетъ свой разсказъ о Боклевскомъ А. Г. Костенецкій, какъ-то въ одной изъ бесѣдъ, когда Петръ Михайловичъ былъ особенно въ ударѣ, я сидѣлъ у него въ рабочемъ кабинетѣ На столахъ на стульяхъ, въ папкахъ были разложены его работы, преимущественно эскизы, наброски, законченные и только начатые, изъ Гоголевскихъ типовъ. И онъ мнѣ говорилъ: «Я помню ихъ,

я помню совершенно такихъ, я ихъ встрѣчалъ въ то время, въ массѣ, кругомъ. Это не карикатуры, нѣтъ, это живые люди. Теперь вы ихъ не встрѣтите, и вамъ они кажутся искусственными. Но я ихъ зналъ, я ихъ видѣлъ, я жилъ среди нихъ» [1])...

Можно сказать, до послѣдняго дня своей жизни Боклевскій не переставалъ трудиться надъ своими рисунками. Но, къ сожалѣнію, онъ не увидѣлъ ихъ изданными въ томъ видѣ, какъ это ему хотѣлось.

Умеръ Боклевскій въ Москвѣ 10 января 1897 года на восемьдесятъ первомъ году жизни. Тѣло его похоронено на кладбищѣ Свято-Духова монастыря, близъ г. Скопина, Рязанской губ., рядомъ съ могилой покойной жены его Варвары Павловны. Обѣ могилы находятся въ одной оградѣ и покрыты общей плитой.

XI.

Таковы главнѣйшіе факты изъ жизни Боклевскаго. На основаніи ихъ можно такъ характеризовать эту жизнь: восемьдесятъ лѣтъ жизни и не менѣе 60 лѣтъ безпрерывной художественной дѣятельности, направленной притомъ въ одну сторону—въ сторону толкованія путемъ карандаша и кисти геніальнѣйшихъ произведеній русской литературы.

Многія изъ его произведеній опубликованы, хотя и не въ томъ видѣ, какъ это хотѣлось Боклевскому. Но гораздо больше осталось ихъ въ портфеляхъ художника не изданными и забытыми. Значительная же часть ихъ, какъ было сказано выше, погибло въ огнѣ.

Ознакомленіе русскаго общества съ художественными произведеніями Боклевскаго есть не только выполненіе долга историка литературы по отношенію къ художнику, много способствовавшему пониманію русскихъ классиковъ. На нашу задачу мы смотримъ и съ практической точки зрѣнія. Быть можетъ, о Боклевскомъ забыли только потому, что о немъ никто не напоминалъ, и теперь найдутся лю-

[1]) Письмо къ автору этой книги отъ 5 іюня 1909 г.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ (акварель).

ди, которые извлекутъ эти забытые рисунки на свѣтъ Божій и издадутъ ихъ такъ, какъ они это заслуживаютъ.

Но у Боклевскаго были не одни только поклонники. Были, хотя и въ гораздо меньшемъ числѣ, и противники. Намъ кажется, что Боклевскій имѣлъ противниковъ только потому, что у него не было возможности во всю долгую жизнь издать свои произведенія, какъ слѣдуетъ. Это обстоятельство налагаетъ на біографа Боклевскаго обязанность разсказать, какъ создавались его художественныя произведенія, въ какой связи они находятся съ литературными произведеніями и какъ и кѣмъ они издавались до сихъ поръ.

Хочется думать, что это выясненіе заслугъ Боклевскаго не пройдетъ безслѣдно, и въ недалекомъ будущемъ появятся всѣ его многочисленныя, до сихъ поръ не изданныя иллюстраціи къ классическимъ произведеніямъ нашей литературы. Этимъ будетъ оказана большая услуга русскому обществу, особенно юношеству, для которыхъ многіе литературные герои мало понятны, какъ уже отошедшіе въ область исторіи.

XII.

Боклевскій извѣстенъ нашему обществу больше всего, какъ иллюстраторъ Гоголя. Можно даже сказать, что въ настоящее время онъ извѣстенъ исключительно своими «Гоголевскими типами», ибо изданные пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ рисунки къ комедіямъ Островскаго представляютъ сейчасъ библіографическую рѣдкость и мало кому извѣстны. Фотографическіе снимки съ рисунковъ къ произведенію Печерскаго «Въ лѣсахъ», сдѣланные въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ въ 1882 году, встрѣчаются въ продажѣ еще рѣже и притомъ въ очень испорченномъ видѣ. Что касается альбома «На нынѣшнюю войну» (изд. 1855 г.), то о его существованіи знаютъ весьма немногіе.

Такимъ образомъ, извѣстность Боклевскаго основы-

вается почти исключительно на рисункакъ къ Гоголю. И извѣстность эта — вполнѣ заслуженная. Почти пятьдесятъ лѣтъ его художественной дѣятельности тѣсно связаны съ Гоголевскими типами. Врядъ ли мы найдемъ подобный примѣръ столь удивительной любви художника къ избранному имъ еще въ юности предмету изображенія.

Боклевскій, умный, хорошо образованный художникъ, не могъ не увлечься, вмѣстѣ съ передовой частью тогдашняго русскаго общества, произведеніями Гоголя. Прочитавши одинъ разъ «Ревизора» и «Мертвыя души», онъ всю свою жизнь не разставался съ этими великими произведеніями, постоянно перечитывалъ ихъ и зналъ многія мѣста наизусть. Вполнѣ естественно, что ему, художнику, притомъ хорошему рисовальщику, захотѣлось представить героевъ этихъ произведеній въ болѣе конкретной формѣ,—въ видѣ портретовъ.

Извѣстный критикъ сороковыхъ годовъ В. Майковъ, написавшій превосходную статью [1]) о рисункахъ къ «Мертвымъ душамъ» другого художника,—Агина, свидѣтельствуетъ, что «глубокое сочувствіе, пробужденное «Мертвыми душами», къ изученію современной жизни, вызвало всѣхъ и каждаго на простую и разумную дѣятельность». «На людяхъ болѣе или менѣе дѣльныхъ и сколько нибудь талантливыхъ, говоритъ онъ далѣе, вліяніе «Мертвыхъ душъ» выразилось не только въ отрицаніи нѣкоторыхъ ненормальныхъ явленій жизни, но и въ порывахъ къ созданію чего нибудь такого, что могло бы упрочить и обобщить въ публикѣ впечатлѣніе, произведенное «Мертвыми душами».

По мнѣнію В. Майкова, только этимъ обстоятельствомъ объясняется появленіе въ свѣтъ, вскорѣ по выходѣ «Мертвыхъ душъ», нѣсколькихъ беллетристическихъ произведеній, не лишенныхъ направленія, неудачная попытка поставить Чичикова на Александринскомъ театрѣ, и, наконецъ,— чего долго ожидали всѣ, — опытъ художника (Агина) бойкимъ карандашемъ начертить рядъ разнообразнѣйшихъ

---

[1]) Сочиненія В. Н. Майкова. Кіевъ, 1901 г. т. I, стр. 153-я.

Земляника (Изъ альбома 1856 года).

сценъ похожденій Павла Ивановича и ознакомить публику посредствомъ этихъ рисунковъ съ разными явленіями дѣйствительной жизни. [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и рисунки Боклевскаго появились подъ вліяніемъ этого общаго теченія. Конечно, не случайно то обстоятельство, что оба художника, Агинъ и Боклевскій,—начали создавать свои иллюстраціи почти въ одно время. Вліяніе эпохи сказалось на этихъ художникахъ почти одинаковымъ образомъ. Больше того. Можно положительно утверждать, что между рисунками Боклевскаго къ «Мертвымъ душамъ» и таковыми же художника Агина есть несомнѣнная связь и преемство, которое установилось подъ вліяніемъ цитированной выше статьи В. Н. Майкова. Это обстоятельство побуждаетъ насъ обратиться какъ этой статьѣ, такъ и альбому Агина. Попутно придется затронуть также вопросъ объ отношеніи Гоголя къ иллюстрированію его сочиненій.

XIII.

До появленія въ свѣтъ рисунковъ Агина, произведенія Гоголя почти не были иллюстрированы. Лишь изрѣдка въ журналахъ попадались отдѣльные рисунки [2]), которые, повидимому, мало удовлетворяли нашего писателя.

Исторія изданія Альбома рисунковъ къ „Мертвымъ душамъ“ Агина такова.

Въ началѣ 1846 года Плетневъ писалъ Гоголю въ Римъ, прося сообщить, желаетъ ли онъ и на какихъ условіяхъ уступить право на второе изданіе «Мертвыхъ душъ» художнику Бернардскому, который хочетъ издать это сочиненіе съ иллюстраціями художника Агина [3]), уже

1) Сто рисунковъ изъ сочиненія Н. В. Гоголя „Мертвыя души“, изд. Е. Бернардскаго и А. Г. Рисовалъ Агинъ. СПБ. 1846 г.

2) Напримѣръ, въ журналѣ „Репертуаръ“ за 1840. Изображеніе послѣдней сцены „Ревизора“. Рисовалъ В. Самойловъ, гравировалъ Эльваль.

3) А. А. Агинъ былъ сверстникомъ Боклевскаго. Родился онъ въ 1817 году, учился въ Академіи Художествъ и былъ ученикомъ К. Брюллова. По окончаніи Академіи въ 1839 году, занялся иллюстрированіемъ Священной

тогда составившаго себѣ извѣстность, благодаря иллюстраціямъ къ «Ветхому завѣту [1]).

20 марта того же года Гоголь отвѣтилъ Плетневу слѣдующимъ письмомъ: [2])

«Художнику Бернардскому объяви отказъ. Есть много причинъ, вслѣдствіе которыхъ не могу, покамѣстъ, входить въ условія ни съ кѣмъ. Между прочимъ, во-первыхъ, потому, что второе изданіе первой части будетъ только тогда, когда она выправится и явится въ такомъ видѣ, въ какомъ ей слѣдуетъ явиться; во-вторыхъ, потому, что, по странной участи, постигавшей изданіе моихъ сочиненій, выходила всегда какая нибудь путаница, или безтолковщина, если я не самъ и не при моихъ глазахъ печаталъ. А въ третьихъ, я врагъ всякихъ политипажей и модныхъ выдумокъ. Товаръ долженъ продаваться лицомъ, и нечего его подслащивать этимъ кондитерствомъ. Можно было бы допустить излишество этихъ родовъ только въ такомъ случаѣ, когда оно слишкомъ художественно. Но художниковъ-геніевъ для такого дѣла не найдешь; да притомъ нужно, чтобы для того и самое сочиненіе было классическимъ, пріобрѣвшимъ полную извѣстность, вычищеннымъ, конченнымъ и не наполненнымъ кучею такихъ грѣховъ, какъ мое»...

Однако, этотъ отвѣтъ не остановилъ Бернардскаго и онъ рѣшилъ издать одинъ альбомъ безъ текста. 31 окт. 1846 г. Шевыревъ писалъ Гоголю [3]): «Бернардскій издаетъ 100 рисунковъ къ «Мертвымъ душамъ». Ты, конечно, объ этомъ слышалъ. Долженъ выйти на дняхъ».

Въ концѣ 1846 года альбомъ началъ, дѣйствительно, выходить отдѣльными выпусками, по четыре гравюры въ

Исторіи и заслужилъ этими рисунками общее одобреніе. Потомъ принималъ участіе въ журналѣ „Иллюстрація", гдѣ и помѣстилъ въ № 41 за 1846 годъ первыя иллюстраціи къ «Мертвымъ душамъ». Рисунки къ этому произведенію обратили на Агина общее вниманіе. Однако, онъ не пожелалъ продолжать дѣятельность иллюстратора, круто перемѣнилъ карьеру, поступивъ волонтеромъ во флотъ, а затѣмъ учителемъ рисованія въ Кіевскій кадетскій корпусъ. Умеръ Агинъ, еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, въ 1860 г.

1) Вышли въ началѣ 1846 года.

2) Письма Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. 3, стр. 157.

3) Отч. Имп. Пуб. библ. за 1883 г. СПБ., 1896 г. стр. 34.

Г-нъ Бурдюковъ. Изъ „Тяжбы“. (Карандашъ).

каждомъ. Въ изданіи принялъ участіе архангельскій почетный гражданинъ А. Горяиновъ, который давалъ для этого средства. Однако, уже въ началѣ 1848 года между Бернардскимъ и Горяиновымъ произошли какія то недоразумѣнія, и изданіе пріостановилось. За это время было издано всего 72 рисунка. Бернардскій хотѣлъ довести изданіе до конца и даже получилъ на это отъ Академіи Художествъ 600 руб., но почему-то не выполнилъ своего намѣренія. Полный альбомъ, въ количествѣ ста рисунковъ, вышелъ лишь пятьдесятъ лѣтъ спустя. Впослѣдствіи было найдено еще три рисунка, и теперь этотъ альбомъ издается подъ заглавіемъ «Сто четыре рисунка къ поэмѣ Н. В. Гоголя «Мертвыя души» [1]), ибо въ число рисунковъ вошелъ иллюстрированный заглавный листъ.

XIV.

Рисунки Агина были встрѣчены критикой, въ общемъ, сочувственно. Остановимся на одной изъ этихъ статей,—на принадлежавшей перу извѣстнаго критика В. Майкова, ибо она, какъ мы сказали выше, имѣла вліяніе на интересующаго насъ художника,—Боклевскаго.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1847 годъ [1]) онъ подробно остановился на значеніи иллюстрацій вообще, выяснилъ, какіе моменты изъ сочиненія можно иллюстрировать и какіе нельзя, а затѣмъ далъ отзывъ почти о всѣхъ рисункахъ Агина. Въ тогдашней нашей литературѣ статья В. Майкова была единственной, посвященной вопросу объ иллюстраціяхъ. Принадлежа перу талантливаго критика, она играла руководящую роль въ средѣ русскихъ художниковъ, особенно такихъ образованныхъ, какъ Боклевскій,—изъ этой статьи они могли почерпнуть для себя много полезныхъ мыслей.

---

[1]) Изд. Спб. 1892 г.

[2]) Т. L, отд. VI, стр. 71—88 (Вышла въ собр. сочин. изд. Фукса. Кіевъ, 1901 г.).

«Каждое искусство имѣетъ средства, ему исключительно принадлежащія, — говоритъ Майковъ, — и въ то же время — предѣлы, изъ которыхъ не должно выступать, чтобъ не утратить своей силы. Есть, напримѣръ, задачи, которыя могутъ быть рѣшены только поэзіей; есть и такія, въ которыхъ поэзія является слабою соперницею живописи, уступая мѣсто этому искусству, призывая его къ дѣятельности». Въ доказательство своей правоты Майковъ приводитъ два примѣра. «Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ» въ «Мертвыхъ душахъ» такъ и просится на полотно и много выигралъ бы, будучи изображенъ художникомъ. «Но есть описанія, говоритъ онъ, исключительно доступныя средствамъ поэзіи и много теряющія въ живописи». Высокій образецъ такой *исключичительно-поэтической* картины представляетъ собою описаніе шествія каравана въ аравійской степи, въ стихотвореніи Лермонтова «Три пальмы».

Въ «Мертвыхъ душахъ», по мнѣнію Майкова, есть множество превосходныхъ описаній, которыя или вовсе недоступны для живописи, или, по крайней мѣрѣ, ничего не выигрываютъ, будучи воспроизведены на рисункѣ.

«Приступая къ живописному воспроизведенію сценъ, взятыхъ изъ такого произведенія, какъ «Мертвыя души», говорилъ Майковъ, художникъ долженъ очень и очень измѣрить свои силы и пристально изучить и прочувствовать каждую строчку великаго писателя, соображаясь съ средствами живописи, избрать только тѣ сцены, въ которыхъ замѣтна недостаточность слова для полной передачи размѣровъ и формъ, какъ самыхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и всѣхъ принадлежностей мѣста дѣйствія, отнюдь не принимая на себя неудобоисполнимаго труда нарисовать сцену, въ которой положеніе дѣйствующихъ лицъ и вся обстановка послѣдовательна, и въ которой они мѣняются съ каждымъ мгновеніемъ».

Такое геніальное произведеніе, какъ „М. Д“., охватившее многія стороны русской жизни, такъ глубоко продуманное и рисующее такія сложныя картины — должно было заставить художника серьезно задуматься надъ своей

Сваха. Изъ „Женитьбы“. (Карандашъ).

задачей. Онъ во все время своей работы долженъ былъ помнить, что «ни разу еще, ни въ одномъ произведенiи нашей литературы, не былъ такъ глубоко, такъ всесторонне изображенъ русскiй человѣкъ, какъ въ «Мертвыхъ душахъ», и, что всего замѣчательнѣе, никогда еще не предсталъ предъ нами русскiй человѣкъ въ такомъ выгодномъ свѣтѣ, какъ въ «Мертвыхъ душахъ».

Это, на первый взглядъ, парадоксальное утвержденiе, Майковъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Гоголь ни на одно мгновенiе не упускалъ изъ вида общечеловѣческихъ условiй характера каждаго изъ своихъ героевъ и поэтому всѣ дѣйствующiя лица его поэмы прежде всего являются людьми, какъ бы малы и ничтожны ни были они по положенiю своему въ обществѣ, до какого бы нравственнаго уничиженiя ни были доведены воспитанiемъ и неизбѣжнымъ теченiемъ дѣлъ. Въ каждомъ изъ нихъ легко усмотрѣть всѣ человѣческiя движенiя, каждый имѣетъ свои радости и скорьби, свои предметы живого сочувствiя и злой антипатiи, у каждаго «свой задоръ», какъ сказалъ самъ Гоголь, – и поэтому-то всѣ они возбуждаютъ такое глубокое сочувствiе въ каждомъ читателѣ, не разучившемся думать и чувствовать». «Изъ этого великаго достоинства „Мертвыхъ душъ“, говоритъ Майковъ дальше, прямо вытекаетъ необходимое условiе для живописца: ни подъ какимъ видомъ не сдѣлать изъ дѣйствующихъ лицъ поэмы немощныхъ уродовъ, одностороннихъ карикатуръ... Это будетъ вопiющая ошибка противъ идеи, положенной въ основанiе каждаго характера, созданнаго Гоголемъ“.

Во всѣхъ Гоголевскихъ типахъ чувствуется «страшная жизненность лицъ». При чтенiи ихъ характеристикъ чувствуется „какой-то приливъ силъ, какая-то особенная радость“ и „не потому хорошо съ ними, что они хороши: нѣтъ, большая часть изъ нихъ представляетъ „характеры скучные, противные, поражающiе своей невзрачностью“, но потому, что жизнь всегда и во всемъ отрадна, и сама по себѣ, независимо отъ всѣхъ опредѣляющихъ ее условiй, есть величайшее благо, какое только можетъ въ понятiяхъ своихъ создать человѣкъ. Дѣйствительно, на-

сколько можно допустить силъ и крѣпости въ томъ или другомъ лицѣ «Мертвыхъ душъ», настолько проявляются эти силы и крѣпость въ поступкахъ его: живетъ онъ всѣми силами своего существа, вѣчно пребывая вѣренъ тѣмъ особенностямъ, которыя опредѣляютъ его личность. Сверхъ того, всѣ лица поразительны и въ другомъ отношеніи. Читая ихъ похожденія, весьма легко различить поступки, сдѣланные ими на основаніи общечеловѣческихъ побужденій, и тѣ, которые были прямымъ слѣдствіемъ мѣстныхъ и историческихъ обстоятельствъ.

Образы Гоголя такъ строго, такъ мудро начерчены, на созданіе ихъ положено столько силы, что ихъ можно сравнить съ тѣми превосходными произведеніями великихъ живописцевъ, у которыхъ сквозь верхнюю краску, соотвѣтствующую подлинному цвѣту лица, какъ бы просвѣчиваетъ бездна другихъ красокъ, слоями проложенныхъ прежде и сообщающихъ написанному тѣлу мягкость и прозрачность. Читая описаніе характера любого лица въ «Мертвыхъ душахъ», взятаго въ данный моментъ, незамѣтнымъ образомъ узнаешь его біографію, поймешь всѣ обстоятельства, которыя сдѣлали изъ него то, что онъ есть въ настоящую минуту, точно такъ же, какъ на истинно-художественныхъ портретахъ дивишься красотѣ лица давно увядшаго, и въ жесткихъ чертахъ старца наглядишь когда-то красиваго, полнаго силъ юношу».

Что же представляютъ собою герои «Мертвыхъ душъ»? По мнѣнію Майкова, это не портреты, списанные съ натуры, съ живыхъ людей. Если можно сравнивать ихъ съ какими-нибудь произведеніями живописи, то развѣ съ идеальными портретами Фламандской школы,— портретами, не списанными съ историческихъ лицъ того времени, но созданными воображеніемъ Рембранта или Ванъ-Дейка. Всѣ черты, характеризующія идею монаха, рыцаря, ростовщика, вылились въ этихъ идеальныхъ портретахъ. Подобнымъ образомъ, каждое лицо въ «Мертвыхъ душахъ» есть выводъ изъ цѣлой категоріи людей.

Трудность такой задачи,—созданіе портретовъ такихъ лицъ,—для Майкова очевидна. За нее можетъ браться только художникъ съ большимъ талантомъ.

Майковъ привѣтствуетъ появленіе рисунковъ Агина, но находитъ, что это «трудъ далеко не совершенный». Для полной оцѣнки изданія Бернардскаго Майковъ разбираетъ характеры героевъ «Мертвыхъ душъ» и сравниваетъ портреты Гоголя съ портретами Агина.

Ему не нравится портретъ Чичикова, ибо Агинъ изобразилъ его не такимъ, какимъ изобразилъ его Гоголь. Особенно недоволенъ Майковъ тѣмъ, что у агинскаго Чичикова «рѣшительно утраченъ характеръ умнаго лица». Плохъ, по мнѣнію Майкова, и Ноздревъ, котораго Агинъ сдѣлалъ невзрачнымъ и опухшимъ, тогда какъ, по Гоголю, это «разбитной малый» съ лицомъ открытымъ и удалымъ.

Наиболѣе удачными Майковъ считаетъ рисунки, изображающіе Плюшкина и Собакевича. Собакевичъ дѣйствительно похожъ

Любимъ Торцовъ. Литографія.

«на средней величины медвѣдя», лицо у него «на диво сформовано» и гармонируетъ съ обстановкой. Что касается портрета Плюшкина и всѣхъ рисунковъ, на которыхъ онъ изображенъ, то это, по мнѣнію Майкова, «рѣшительно лучшая часть изданія», ибо «видно какъ-то, что художникъ съ особенною любовью взялся за это лицо, что онъ глубоко понялъ, что такое скупость и какъ сушитъ, какъ деревянитъ она лицо человѣка».

Свою статью Майковъ заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы была иллюстрирована и вторая половина «Мертвыхъ душъ», ибо и здѣсь имѣется масса благодарныхъ сюжетовъ.

Выше мы высказали мнѣніе, что только что изложенная статья Майкова имѣла большое вліяніе на Боклевскаго. Такъ было, по нашему мнѣнію, — по крайней мѣрѣ въ первые годы дѣятельности Боклевскаго.

На эту мысль наводитъ насъ слѣдующее обстоятельство. Именно тѣ два портрета изъ альбома Бернардскаго, которые понравились В. Майкову, очень сходны съ портретами Боклевскаго. Собакевичъ и Плюшкинъ обоихъ художниковъ носятъ такія несомнѣнныя черты сходства, что нельзя сомнѣваться въ вліяніи Агина на Боклевскаго.

Интересно также то обстоятельство, что Боклевскій во всѣхъ остальныхъ своихъ портретахъ безусловно оригиналенъ. Въ нихъ онъ избѣгъ тѣхъ недостатковъ, которые указалъ Майковъ, и достигъ того, что его портреты вполнѣ сходны съ портретами Гоголя.

XV.

Изъ иллюстрацій Боклевскаго къ произведеніямъ Гоголя раньше другихъ были изданы рисунки къ «Ревизору». Вышли они въ Москвѣ въ видѣ альбома литографій въ 1858 году подъ заглавіемъ «Галлерея Гоголевскихъ типовъ. Ревизоръ». Всѣхъ литографій было четырнадцать.

Въ Историческомъ музеѣ хранятся оригиналы, или, какъ ихъ озаглавилъ самъ Боклевскій, «брульоны Гоголевскихъ типовъ». На обложкѣ помѣчено, что рисунки относятся къ 1856 году. Отдѣланы они не такъ тщательно. какъ послѣдующіе иллюстраціи, хотя бы къ тому же произведенію, но типы хорошо продуманы и даютъ точное воспроизведеніе героевъ «Ревизора».

Литографированный альбомъ этихъ рисунковъ изданъ литографіей Бахмана довольно плохо. Тонкій карандашъ Боклевскаго почти совсѣмъ исчезъ, очертанія расплылись, выраженіе лица на многихъ рисункахъ измѣнено Сравненіе этихъ литографій съ оригиналами показываетъ, что способъ воспроизведенія рисунковъ Боклевскаго весьма дурно отражался на ихъ качествѣ. Это повело къ тому, что тѣ недостатки, которыя происходили отъ него, относились на счетъ художника. Боклевскій неоднократно жаловался, что его рисунки портили литографы и граверы,—каждый изъ нихъ вносилъ свое, каждый изъ нихъ «наслѣдилъ» по выраженію нашего художника. И такъ какъ многіе изъ нихъ были малоталантливы и необразованы, то вносимые ими измѣненія портили хорошо продуманный и согласный съ текстомъ рисунокъ иногда до неузнаваемости. Одинъ изъ такихъ художниковъ, граверъ Пановъ, воспроизводя Ноздрева, нашелъ, что Боклевскій забылъ дорисовать одну бакенбарду и поправилъ мнимую погрѣшность, не зная того, что, по Гоголю, Ноздревъ «возвращался домой иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой».

Несмотря однако на неважное изданіе типовъ изъ «Ревизора», они имѣли большой успѣхъ, особенно у театраловъ въ провинціи. Изданіе это повторялось не менѣе пяти разъ, при чемъ послѣднія изданія выходили не въ видѣ литографій, а въ видѣ гравюръ съ нихъ же,—что, конечно, еще больше умалило сходство съ оригиналами. Хорошо, что сохранились эти оригиналы,—быть можетъ, найдутся издатели, которые выпустятъ эти превосходные рисунки надлежащимъ образомъ.

Послѣ «Галлереи Гоголевскихъ типовъ» Боклевскій

издалъ «Бюрократическій катехизисъ»,—пять сценъ изъ того же «Ревизора». Изданіе это интересно не только съ художественной стороны,—оно имѣло, до извѣстной степени, общественное значеніе, ибо «сцены» были выбраны такъ, что они изображали особенно слабыя стороны «бюрократовъ» того времени. Вотъ «параграфы» этого своеобразнаго катехизиса, составленнаго изъ выписокъ изъ «Ревизора», съ нѣкоторыми измѣненіями противъ подлиннаго текста камедіи:

I. *Философія бюрократовъ. Городничій.* Насчетъ же того, что въ письмѣ Андрей Ивановичъ называетъ грѣшками,—я ничего не могу сказать. Да и странно говорить! Нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ нибудь грѣховъ; это ужъ такъ самимъ Богомъ устроено, и вольтерьянцы напрасно противъ этого возражаютъ. (Дѣйств. 1-ое, явл. 1-ое).

II. *Религія бюрократовъ. Городничій.* О-охъ-хо-хо-хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ! Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ то я поставлю такую свѣчу, какой еще нѣкто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. (Дѣйств. 1, явл. 5-е).

III. *Политика бюрократовъ. Попечитель богоугодныхъ заведеній.* Воля ваша, господа, намъ нужно бы кое-что предпринять. *Судья.* А что же? *Попечит. богоугод. завед.* Ну, извѣстно, что. *Судья.* Подсунуть? *Попечитель богоугод завед.* Ну-да. *Судья.* Опасно! раскричится... государственный человѣкъ!.. *Попечит. богоуг. завед.* Слушайте: эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ! Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ?.. Представиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ!.. Да чтобъ и уши не слыхали! Вотъ какъ эти дѣла дѣлаются въ благоустроенномъ обществѣ! (Дѣйств. IV. явл. 1-е).

IV. *Поэзія бюрократовъ. Городничій.* Вѣдь почему хочется быть генераломъ? Потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь,—фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ. «Лошадей»,—и тамъ на станціяхъ никому не да-

дутъ!—все дожидается, всѣ эти капитаны, титулярные, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ,—стой городничій. Хе-хе-хе! Вотъ что, канальство, заманчиво! *Городничиха.* Тебѣ все такое грубое нравится! Ты долженъ помнить, что тогда твои знакомые будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе!... Я не иначе хочу, чтобы нашъ домъ былъ первый въ столицѣ и чтобы у меня въ комнатѣ было такое амбре, чтобъ нельзя было войти. (Дѣйств. V, явл. 1-е).

V. *Общественныя отношенія бюрократовъ. Городничій.* Что самоварники! аршинники!.. жаловаться?.. Архиплуты, протобестіи, надувалы мірскіе! жаловаться?! Что? а? что теперь скажете?! Теперь я васъ!.. обманываете народъ! Сдѣлаешь подрядъ съ казной, на 100,000 надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь 20 аршинъ, да и давай тебѣ награду за это! Да если бы знали,—такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ,—его не тронь, мы, говоритъ, и дворянамъ не уступимъ. Да, дворянинъ... ахъ ты рожа!—дворянинъ учится наукамъ, его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что?—начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ зато, что не умѣешь обмѣривать... жаловаться?! А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ, и написалъ дерева на 20,000 тогда какъ его и 100 руб. не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода, ты позабылъ это?... (Дѣйств. V, явл. 2-е).

«Бюрократическій катехизисъ» имѣлъ огромный успѣхъ, и въ слѣдующемъ, 1864 году, потребовалось новое изданіе. Однако, Боклевскому не разрѣшили выпустить альбомъ подъ прежнимъ заглавіемъ. Мало того, на новыхъ рисункахъ не встрѣчаемъ заглавій «Религія бюрократовъ», «Философія бюрократовъ» и т. д. Очевидно, было признано, что «катехизисъ» дискредитируетъ власти, и новый альбомъ вышелъ съ заглавіемъ: Сцены изъ «Ревизора».

Успѣхъ «Бюрократическаго катехизиза» вызвалъ даже подражанье, или, вѣрнѣе, контрафакцію. Въ 1864 году появился альбомъ, тоже подъ заглавіемъ «Сцены изъ

«Ревизора», состоящій изъ пяти гравюръ на деревѣ, довольно грубой работы. Слово «бюрократъ» здѣсь нигдѣ не было упомянуто, но на каждой гравюрѣ былъ заголовокъ: «Религія», «Философія» и т. д. Кто издалъ этотъ альбомъ — опредѣлить трудно. Вѣроятнѣе всего, кто нибудь изъ издателей лубочныхъ картинъ съ Никольской.

Послѣ 1864 года «Бюрократическій катехизисъ» не переиздавался въ видѣ альбома. Лишь въ 1909 году къ Гоголевскому юбилею кто-то издалъ, безъ разрѣшенія наслѣдниковъ, открытки и притомъ довольно плохо.

XVI.

Гораздо позже другихъ стали выходить въ свѣтъ рисунки къ «Мертвымъ душамъ», несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ, по свидѣтельству Рамазанова, были готовы еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

«Мертвыя души» были наиболѣе любимымъ произведеніемъ Боклевскаго,—эту книгу онъ перечитывалъ безконечное число разъ, тщательно изучая текстъ и вдумываясь въ каждый отдѣльный типъ. Онъ дѣлалъ подробныя выписки, касающіяся наружности воспроизводимыхъ героевъ, и въ рисункахъ не допускалъ ни малѣйшаго отступленія отъ текста. Многіе изъ рисунковъ къ «Мертвымъ душамъ» Боклевскій дѣлалъ, пользуясь натурой. Зная хорошо наружность извѣстнаго героя Гоголя по его описаніямъ, нашъ художникъ подыскивалъ среди знакомыхъ или просто встрѣчавшихся ему людей подходящіе типы и дѣлалъ свои портреты, конечно, безъ вѣдома тѣхъ лицъ, съ которыхъ они писались. Само собой разумѣется, что многія черты «натуры» исчезали, а на мѣсто ихъ появлялись новыя, — гоголевскія. Есть данныя, свидѣтель ствующія, что въ Рязанской губерніи былъ помѣщикъ, въ которомъ всѣ узнавали Собакевича работы Боклевскаго. Вѣроятно, старожилы, сверстники Гоголя и Боклевскаго, могли бы указать, съ кого списанъ Чичиковъ, Маниловъ, «правитель канцеляріи въ тридевятомъ государствѣ» и другіе.

Первые рисунки къ «Мертвымъ душамъ», въ количествѣ 23 штукъ, главнымъ образомъ, ко второй части появились въ 1875 году въ журналѣ «Пчела», издаваемомъ при участіи художника М. Микѣшина. Всѣ они были гравированы Пановымъ и во многомъ потеряли сходство съ оригиналами. Послѣ прекращенія «Пчелы» рисунки, какъ появившіеся въ этомъ журналѣ, такъ и еще неизданные, были переуступлены редакціи «Живописнаго обозрѣнія», которая опубликовала ихъ въ 1879 и 1880 годахъ. Всѣ эти рисунки имѣли настолько большой успѣхъ, что уже въ концѣ 1880 года нѣкій Тяпкинъ приступилъ къ изданію ихъ въ видѣ отдѣльнаго альбома.[1]) Альбомъ этотъ издавался много разъ и много способствовалъ популяризаціи имени Боклевскаго, давъ въ то же время, вслѣдствіе дурного выполненія, невѣрное представленіе о талантѣ нашего художника.

Альбомъ этотъ обыкновенно издавался и издается съ предисловіемъ извѣстнаго литератора и педагога В. Я. Стоюнина. Предисловіе это написано въ видѣ письма къ издателю и является первой по времени статьей о достоинствахъ и значеніи рисунковъ Боклевскаго. По нашему мнѣнію, здѣсь дана лучшая характеристика этихъ рисунковъ, а потому мы остановимся на статьѣ В. Я. Стоюнина нѣсколько дольше.

«Съ большимъ удовольствіемъ, говоритъ онъ, пересматривалъ я издаваемые Вами прекрасные рисунки г. Боклевскаго и долженъ признаться, что художникъ выбралъ себѣ весьма трудную задачу—нарисовать физіономіи Гоголевскихъ типовъ, перевести языкъ одного искусства на языкъ другого, отмѣтить въ чертахъ лица душу тѣхъ лицъ, которыя въ твореніяхъ поэта являются въ разныхъ положеніяхъ, но всегда вѣрныя самимъ себѣ. Дополнить типы геніальнаго писателя тѣми чертами, которыя были не въ его средствахъ, дополнить работу пера—работою карандаша.

[1]) Альбомъ Гоголевскихъ типовъ въ рисункахъ художника П. Боклевскаго. СПБ. 1881 г.

вообще такой трудъ требуетъ большихъ силъ, и не можетъ назваться легкимъ...

Попытки болѣе или менѣе удачныя рисовать цѣлыя сцены, описанныя Гоголемъ, дѣлались и прежде другими, но, по моему, этотъ трудъ гораздо легче настоящаго труда, хотя тамъ фантазія художника и должна была работать надъ цѣлой группой: въ сценѣ положеніе каждаго уже опредѣлено подробностями, выраженіе его лица отмѣчено извѣстнымъ движеніемъ души въ данный моментъ; тутъ фантазія живописца болѣе подчиняется фантазіи поэта и творитъ по его указаніямъ.

Г. Боклевскій задался другой задачей: снять, такъ сказать, портреты лицъ, которыя нашъ юмористъ представлялъ изъ жизни, но портреты такіе, въ которыхъ бы выражалось главное содержаніе всей духовной или психической ихъ жизни; онъ захотѣлъ соединить, а не подчинить работу своей фантазіи съ фантазіей писателя. Здѣсь недостаточно было только изучать самые типы, созданные Гоголемъ, но нужно было ловить ихъ въ дѣйствительной жизни, потому что и поэтъ оттуда выбиралъ ихъ, нужно было изучать физіономіи живыхъ лицъ въ той средѣ, которую изображалъ писатель, отыскивать въ нихъ тѣ черты, въ которыхъ отражалась многолѣтняя работа въ ихъ душахъ.

Эти физіономіи не повторяются съ каждымъ поколѣніемъ, хотя ихъ облики и могутъ быть родовыми или наслѣдственными. Сынъ, по внѣшнему типу лица и складу всей фигуры, можетъ быть похожъ на отца и дѣда, но у каждаго изъ нихъ была своя физіономія, которая выражала то, что переживалось каждымъ въ свое время.

Не знаю, достаточно ли ясно я высказываюсь, но, мнѣ кажется, въ настоящее время встрѣчаются уже не такъ часто тѣ физіономіи, которыя припоминаются изъ сферы крѣпостнической или изъ среды стараго забитаго мелкаго чиновничества.

Если заслуга со стороны писателя — представить живые типы своего времени, то такая же заслуга и со стороны художника нарисовать типическія физіономіи того же вре-

Петръ и Груша. „Не такъ живи, какъ хочется". Дѣйств. II. (Литографія).

мени и представить передъ глазами тѣ лица, о которыхъ мы знаемъ по разсказамъ писателя, но которыхъ не видѣли воочію. Такіе портреты могутъ способствовать психологическому изученію человѣка и, слѣдовательно, имѣть воспитательное значеніе.

Вотъ мой взглядъ на задачу г. Боклевскаго. Безъ всякаго желанія льстить художнику, я скажу, что во многихъ рисункахъ онъ очень близко подошелъ къ ней.

Его Плюшкинъ, Коробочка, Фетинья, Петрушка, Ноздревъ, Пѣтухъ, Мижуевъ, Собакевичъ, Бетрищевъ, Маниловъ, учитель Чичикова, Повытчикъ, Кувшинное рыло, Приказчикъ-баба и др. типичны не только въ общемъ смыслѣ, но и какъ русскія физіономіи времени «Мертвыхъ душъ». Кажется, все это люди знакомые, съ которыми когда-то встрѣчался. Въ нихъ хочется вглядываться, чтобы угадать, что творилось въ ихъ душахъ, когда на ихъ лицахъ вырѣзывались тѣ или другія черты. Они необходимое дополненіе къ разсказамъ Гоголя».

Думается, что въ этихъ строкахъ Стоюнина нѣтъ преувеличенія. Характеристика Боклевскаго дана здѣсь очень вѣрно, и врядъ ли можно прибавить къ ней что нибудь новаго Все сказанное Стоюнинымъ есть лучшее опроверженіе мнѣнія Н. С. Лѣскова, который, увлекшись рисунками Агина, далъ слѣдующую характеристику произведеніямъ Боклевскаго: «Рисунки Боклевскаго славятся своей веселостью, и въ этомъ смыслѣ они очень хороши, но они впадаютъ въ шаржъ и даже въ карикатурность, а потому ихъ нечего и сравнивать съ рисунками Агина, который рисовалъ очень правильно и старался дать *типы* (курсивъ Лѣскова) гоголевскихъ лицъ, которые были ему знакомы, какъ современнику.» [1]) Давая такой отзывъ, Лѣсковъ, повидимому, не зналъ, что Боклевскій былъ тоже современникомъ гоголевскихъ типовъ. Невѣрно также утвержденіе, что Агинъ стремился дать *типы*,—извѣстно, что онъ далъ почти исключительно жанровыя сцены изъ поэмы Гоголя. Что касается худо-

---

1) „Нива“, 1892 г. № 8.

жественной вѣрности рисунковъ Агина, то мы полагаемъ, что исчерпывающее сужденіе по этому вопросу дано В. Майковымъ.

Относительно карикатурности рисунковъ Боклевскаго можно сказать только слѣдующее: не онъ одинъ получилъ въ этомъ упрекъ,—въ этомъ обвиняли, притомъ гораздо рѣзче, и Гоголя критики изъ клики Булгарина и Греча. Къ этому надо прибавить еще, что упрекъ въ «шаржѣ» долженъ быть отнесенъ на счетъ гравера Панова, который иногда подчеркивалъ и усиливалъ то, чего не имѣлъ въ виду дѣлать Боклевскій.

XVII.

Только что разсмотрѣнный нами альбомъ былъ единственнымъ и притомъ далеко не художественнымъ воспроизведеніемъ рисунковъ Боклевскаго до 1895 года, когда вышло новое изданіе подъ редакціей извѣстнаго московскаго педагога Л. П. Бѣльскаго. [1]). Новый альбомъ былъ изданъ при помощи фототипіи, что дало возможность передать, до извѣстности степени, болѣе точно работу Боклевскаго Издатель альбома, извѣстный книгопродавецъ Готье, сдѣлалъ все, чтобы онъ былъ изданъ возможно хорошо и роскошно. Однако, и это изданіе все-таки не передаетъ того впечатлѣнія, которое получается отъ оригиналовъ.

Редакторъ изданія въ своемъ предисловіи указываетъ, что раньше въ «Альбомѣ Гоголевскихъ типовъ» было помѣщено только 26 рисунковъ изъ «Мертвыхъ душъ», а теперь издается 34, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не представляетъ повторенія прежнихъ: всѣ они впервые появляются на свѣтъ. «Боклевскій, говоритъ г. Бѣльскій, въ своемъ художественномъ портфелѣ давно уже имѣлъ типы изъ «Мертвыхъ душъ» въ двухъ редакціяхъ, изъ

[1]) Типы изъ поэмы Гоголя „Мертвыя души“, изд. Готье, фотот. Ренаръ, Москва, 1895 годъ.

Г-нъ Быковъ. „Бѣдные люди“. (Карандашъ).

которыхъ съ одною публика знакома по «Альбому», другая предлагается здѣсь. Кромѣ желанія выпустить въ свѣтъ еще неизвѣстныя доселѣ произведенія талантливаго художника, къ этому изданію побуждало то обстоятельство, что «Альбомъ» изданъ былъ въ видѣ гравюръ, недостаточно художественныхъ, чтобы вполнѣ передать тонкую карандашную работу г. Боклевскаго. Многое, что не удовлетворяло въ «Альбомѣ», приписывалось ошибочно автору, хотя зависѣло исключительно отъ способа изданія. Работа художника отличается такою тонкостью отдѣлки, которая требуетъ чрезвычайно тонкой передачи, единственно возможной въ фототипическомъ способѣ».

Далѣе г. Бѣльскій выясняетъ значеніе Боклевскаго, какъ иллюстратора сочиненій нашего великаго писателя. «Какъ современникъ Гоголя, говоритъ онъ, нашъ художникъ могъ вполнѣ живо иллюстрировать поэму, типы которой были передъ его глазами въ русской жизни того времени. Его карандашъ—весьма важное дополненіе къ перу Гоголя, весьма важное «свидѣтельство очевидца». Не говоря уже о томъ, что хорошія иллюстраціи вообще уясняютъ печатное произведеніе, даютъ возможность полнѣе и всестороннѣе вникнуть въ него,—иллюстраціи современника къ поэтическому произведенію очерчиваютъ рельефнѣе изображенныхъ поэтомъ лицъ, дѣлаютъ ихъ жизненнѣе и даютъ возможность намъ какъ бы воочію видѣть ихъ. При чтеніи юмористическихъ произведеній Гоголя можетъ возникнуть мысль о нѣкоторой утрировкѣ въ изображеніи тогдашнихъ типовъ. Но вотъ художникъ-современникъ даетъ намъ типы карандашомъ: они согласны съ поэмой и нетолько не смягчаютъ ея штриховъ, но иногда даже усиливаютъ ихъ. При разсмотрѣніи типовъ Боклевскаго можетъ возникнуть такое же предположеніе о нѣкоторой утрировкѣ. Можетъ быть, кое гдѣ она и есть, но въ общемъ это согласіе художника съ поэтомъ не есть ли свидѣтельство, что поэтъ былъ гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ нѣкоторые думаютъ, и что мы слишкомъ уже далеки отъ той жизни, которую онъ изобра-

жаетъ, настолько далеки, что намъ уже трудно ее себѣ представить, и мы считаемъ за утрировку то, что въ свое время было вѣрнымъ отраженіемъ жизни? На изданіе рисунковъ г. Боклевскаго должно смотрѣть, какъ на необходимый долгъ по отношенію къ великому нашему поэту. Читатели «Мертвыхъ душъ», познакомившись съ этими рисунками, еще глубже проникнутся идеей безмертной поэмы, еще живѣе почувствуютъ тѣ слезы, которыхъ не видѣлъ міръ сквозь смѣхъ поэта, еще яснѣе представятъ себѣ мрачную картину тогдашней жизни».

Новое изданіе рисунковъ къ «Мертвымъ душамъ» было встрѣчено весьма сочувственно. Особенно интересенъ отзывъ въ «Русской Мысли»[1]), ибо здѣсь затронутъ вопросъ о карикатурности нѣкоторыхъ рисунковъ Боклевскаго. «Мы думаемъ, говоритъ авторъ отзыва, что этимъ отнюдь не умаляется значеніе «типовъ» Боклевскаго, во-первыхъ, потому, что далеко не всѣ они карикатурны, и потому, во-вторыхъ, что талантливая, художественная карикатура есть ничто иное, какъ воспроизведеніе той же дѣйствительности въ нѣсколько усиленномъ, подчеркнутомъ видѣ. Мы знаемъ, что въ свое время и Гоголю ставили въ упрекъ, что онъ писалъ карикатуры, и знаемъ настоящую цѣну такимъ упрекамъ людей, желающихъ во что бы то ни стало «на зеркало пенять». Въ рисунки Боклевскаго надо всматриваться очень внимательно, и всматриваться не столько въ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, сколько въ совокупность ихъ и тогда тѣ или иныя преувеличенія начинаютъ сглаживаться передъ общимъ впечатлѣніемъ, а общее впечатлѣніе складывается и укрѣпляется такимъ, произвести какое имѣлъ въ виду Гоголь. Изъ-за всѣхъ этихъ лицъ, портретныхъ и карикатурныхъ, безобразныхъ и красивыхъ, выступаетъ нѣчто очень характерное, очень важное для уразумѣнія того времени и тѣхъ типовъ, которые увѣковѣчены «Мертвыми душами»...

Остается еще сказать объ изданныхъ рисункахъ къ

---

1) 1895 г. Апрѣль, стр. 167.

Мармеладовъ. „Преступленіе и Наказаніе“. (Карандашъ).

другимъ произведеніямъ Гоголя. Кромѣ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», Боклевскій иллюстрировалъ «Женитьбу», «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «Тяжбу», «Игроковъ», «Какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Однако, изъ массы иллюстрацій къ этимъ произведеніямъ появились въ свѣтъ лишь весьма немногія. Въ «Альбомѣ Гоголевскихъ типовъ» изданія Тяпкина помѣщены по два рисунка къ «Старосвѣтскимъ помѣщикамъ» и разсказу «Какъ поссорились» да въ «Пчелѣ» за 1878 годъ тоже два рисунка къ «Шинели». Вотъ все, что опубликовано изъ рисунковъ къ этимъ менѣе крупнымъ произведеніямъ Гоголя. Такимъ образомъ не изданы до сихъ поръ «портреты» Кочкарева, Подколесина и свахи изъ «Женитьбы», Бурдюкова изъ «Тяжбы», и Ихарева, Утѣшительнаго и Глова изъ «Игроковъ», не говоря уже о массѣ варьянтовъ какъ къ изданнымъ, такъ и неизданнымъ рисункамъ. Изъ неизданныхъ иллюстрацій особое вниманіе обращаютъ рисунки къ «Игрокамъ». Боклевскій находилъ въ сюжетѣ этой комедіи большое сходство съ политическимъ положеніемъ въ Европѣ наканунѣ войны Пруссіи съ Франціей. Какъ онъ объяснялъ это сходство, намъ не извѣстно, но всѣ «игроки» изображены въ видѣ извѣстныхъ тогда политическихъ дѣятелей,—Бисмарка, Наполеона III, Вильгельма и т. д.

Таковы труды Боклевскаго въ области иллюстрированія произведеній Гоголя.

Всего иллюстрировано имъ не менѣе 75 сюжетовъ (нѣкоторые въ пяти-шести варьянтахъ, карандашемъ и акварелью) къ 7 произведеніямъ.

Никто изъ русскихъ художниковъ не потрудился такъ много надъ созданіемъ *портретовъ* Гоголевскихъ героевъ, какъ Боклевскій. Правда, Агинъ далъ 104 рисунка къ однимъ только «Мертвымъ душамъ», но портретовъ онъ далъ гораздо меньше,—менѣе четверти всего числа рисунковъ. Изъ другихъ, болѣе извѣстныхъ художниковъ, никто такъ систематически не трудился надъ иллюстрированіемъ Гоголя, какъ Боклевскій. Извѣстны рисунки Микѣшина. Трутовскаго, Маковскаго, Рѣпина, Соколова, Нестерова

и друг.[1]), но всѣ они носятъ болѣе или менѣе случайный характеръ. Что касается второстепенныхъ художниковъ, которые иногда употребляли много труда для иллюстрированія произведеній Гоголя, то оригинальность ихъ работы часто весьма сомнительна. Можно указать не мало примѣровъ простого копированія рисунковъ Боклевскаго. Даже въ богато иллюстрированныхъ «Мертвыхъ душахъ» изданія Маркса мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ рисунки, находящіеся въ близкомъ родствѣ съ рисунками Боклевскаго. Стоитъ только сравнить портреты Ноздрева работы нашего художника и г. Далькевича, чтобы убѣдиться въ справедливости вышесказаннаго. Можно указать и примѣры простого плагіата. Въ № 20 «Нивы» за 1878 годъ мы находимъ рисунокъ художника Віолы, изображающій Хлестакова и другихъ героевъ «Ревизора». Всѣ они взяты изъ литографированнаго альбома Боклевскаго изданія 1858 года.

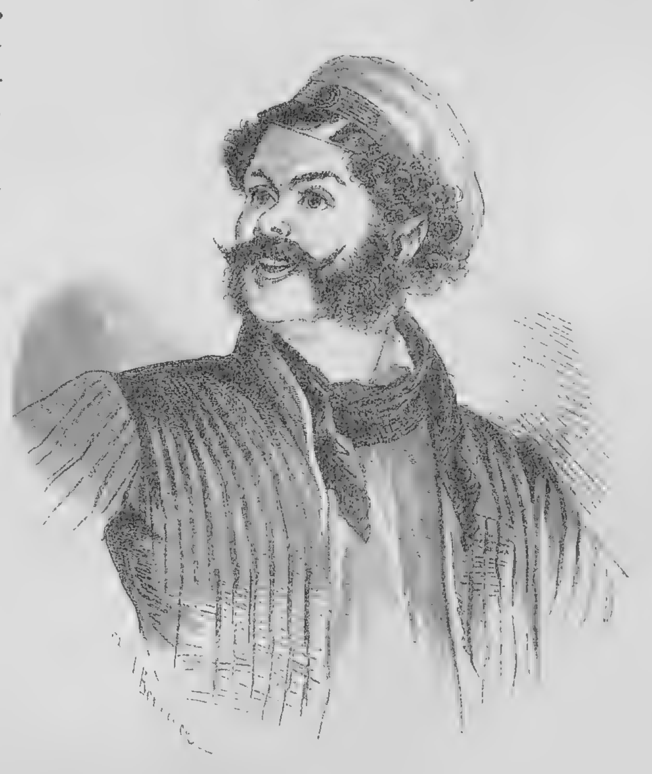
Ноздревъ. Рис. Далькевича.

Много пользовались «Гоголевскими типами» Боклевскаго и скульпторы. Стоитъ только взглянуть на барельефы Андреева на пьедесталѣ памятника Гоголю въ Москвѣ, чтобы сразу опредѣлить источникъ вдохновенія этого скульптора. Позаимствованы у Боклевскаго и «типы» на полтавскомъ памятникѣ Гоголю.

[1]) См. „Указатель иллюстрацій къ сочинен. Гоголя". Ф. Витберга, Лит. Вѣст. 1902 г., кн. I.

Если мы прибавимъ къ этому, что «Гоголевскіе типы» работы Боклевскаго можно встрѣтить на тарелкахъ фабрики Кузнецова, на пепельницахъ, на конфетныхъ оберткахъ, на коробкахъ для перьевъ и т. д., то намъ станетъ ясно, какъ много сдѣлалъ Боклевскій для пониманія произведеній Гоголя.

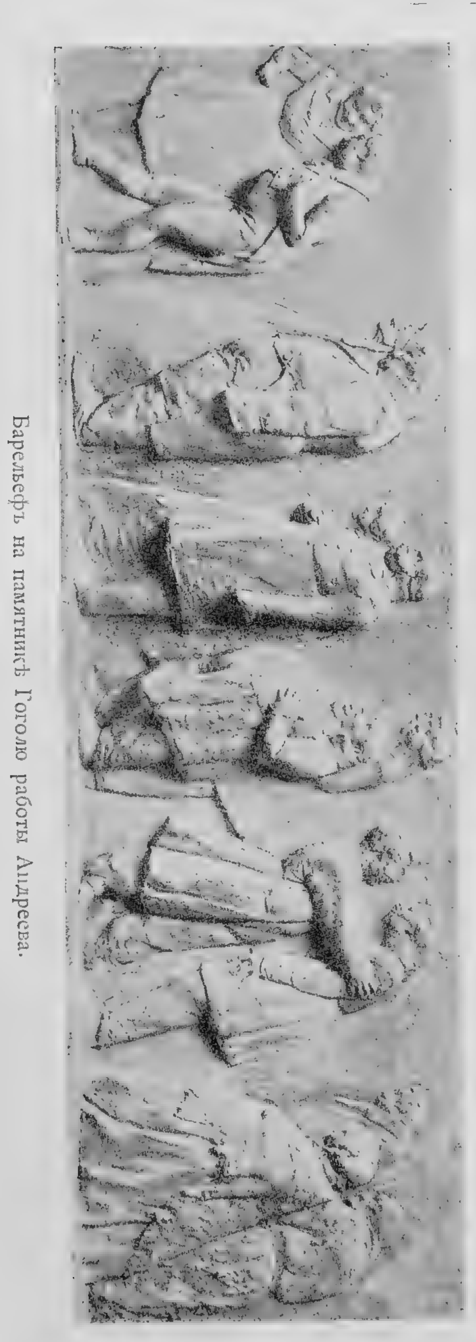
Уже одна эта заслуга должна была бы вызвать благодарное отношеніе русскаго общества къ Боклевскому... Чтобы исправить свою ошибку, русское общество должно хотя бы теперь озаботиться, чтобы *всѣ безъ исключенія* рисунки Боклевскаго къ произведеніямъ Гоголя были изданы возможно скорѣе и притомъ достойнымъ образомъ.

Ноздревъ. Рис. Боклевскаго.

XVIII.

Переходимъ теперь къ иллюстраціямъ къ произведеніямъ Островскаго. Выше мы приводили мнѣніе о Боклевскомъ сотоварища его по «молодой редакціи Москвитянина»—С. В. Максимова, который назвалъ нашего художника «толковникомъ художественныхъ красотъ» про-

Барельефъ на памятникѣ Гоголю работы Андреева.

изведеній Островскаго. И, дѣйствительно, Максимовъ не преувеличивалъ значенія Боклевскаго. Ни одинъ изъ нашихъ классиковъ не труденъ такъ для пониманія людямъ не изъ купеческой среды, какъ Островскій. Этотъ своеобразный міръ' это тогдашнее «темное царство» было огорожено своего рода Китайской стѣной, за которую проникали только «свои люди». И вотъ Островскій пробилъ брешь въ этой стѣнѣ, сдѣлалъ это «царство» доступнымъ для каждаго. Кто хотѣлъ узнать, какъ живутъ Киты Китычи, Большовы, Падхалюзины или Торцовы, тотъ шелъ въ театръ смотрѣть пьесы Островскаго. Но не всѣмъ это было доступно и возможно. Боклевскій пошелъ имъ навстрѣчу и далъ иллюстраціи къ главнѣйшимъ сценамъ комедій «Бѣдность не порокъ», «Свои люди сочтемся» и т. д. Иллюстраціи эти разошлись въ тысячахъ экземпляровъ по Руси, знакомя всѣхъ съ «темнымъ царствомъ».

Вотъ чѣмъ былъ Боклевскій для современниковъ.

Другое значеніе пріо-

Мать Манефа. „Въ Лѣсахъ“. (Карандашъ).

брѣтают иллюстраціи Боклевскаго къ произведеніямъ Островскаго для нынѣшняго поколѣнія и для будущихъ. Отошло въ область преданія «темное царство», и комедіи Островскаго начинаютъ становиться историческими документами о прошломъ одного изъ сословій русскаго народа. Рисунки Боклевскаго, дополняя эти документы, иллюстрируютъ этотъ своеобразный бытъ, даютъ наглядное представленіе о томъ, чего не могъ изобразить словами нашъ великій драматургъ. Для насъ, не знавшихъ и не видавшихъ героевъ Островскаго, весьма важно это картинное «свидѣтельство очевидца».

Всѣхъ иллюстрацій къ комедіямъ Островскаго сдѣлано Боклевскимъ тридцать,—по пяти къ каждому произведенію. Раньше другихъ была иллюстрирована комедія «Бѣдность - не порокъ». Затѣмъ слѣдовали: «Свои люди—сочтемся», «Бѣдная невѣста», «Не въ свои сани не садись», «Не такъ живи, какъ хочется» и «Сцены изъ купеческой жизни». Большинство рисунковъ издано гр. Кушелевымъ-Безбородко, издателемъ журнала «Русское Слово», въ видѣ литографій довольно не высокаго качества. Помимо того, что самъ способъ воспроизведенія отличается нѣкоторой неряшливостью, особенно при спѣшности работы, уже то обстоятельство, что рисунокъ переводился на камень другимъ лицомъ, вело къ искаженію оригинала. До насъ дошло нѣсколько оригиналовъ къ комедіи «Свои люди—сочтемся», и они свидѣтельствуютъ о томъ, что оставшіяся литографіи даютъ лишь болѣе или менѣе близкое представленіе о тонкой работѣ Боклевскаго. Выше мы дали два снимка съ лучшихъ литографій.

Рисунки Боклевскаго къ комедіямъ Островскаго имѣютъ большое значеніе какъ для исторіи нашего театра, такъ и для постановки пьесъ Островскаго въ настоящее время, ибо тогдашній купеческій бытъ теперь почти совершенно измѣнился.

Для исторіи нашего театра рисунки Боклевскаго къ комедіямъ Островскаго представляютъ особенно большой интересъ, ибо здѣсь изображенъ въ нѣсколькихъ роляхъ нашъ знаменитый артистъ Провъ Садовскій, который,

какъ упоминалось выше, входилъ въ составъ молодой редакціи «Москвитянина» и былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нашимъ художникомъ.

Основываясь на воспоминаніяхъ Максимова, Радиславскаго [1]) и Коропчевскаго [2]), мы имѣемъ возможность утверждать, что Провъ Садовскій создавалъ свои роли подъ непосредственнымъ вліяніемъ членовъ молодой редакціи «Москвитянина». До появленія въ свѣтъ комедій Островскаго, этотъ выдающійся актеръ «томился на вторыхъ роляхъ». «Можно легко вообразить себѣ, говоритъ Радиславскій, какъ долженъ былъ обрадоваться Садовскій, когда въ концѣ 1849 года появилась въ рукописи первая комедія Островскаго—«Свои люди—сочтемся»... Цѣлыхъ полгода Садовскій не разставался съ этой пьесой, возилъ ее всюду съ собою и охотно читалъ ее желающимъ слушать».

Однако на сценѣ въ этой пьесѣ онъ выступилъ только въ началѣ 1861 года въ роли Подхалюзина, а не въ роли Большова, какъ онъ объ этомъ мечталъ. Случилось это потому, что въ день спектакля заболѣлъ артистъ С. Васильевъ, который долженъ былъ исполнять эту роль. Въ виду того, что пьеса ставилась въ бенефисъ Садовскаго, ему хотѣлось, чтобы спектакль прошелъ возможно лучше. «Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, разсказываетъ театральный критикъ того времени Баженовъ [3]), бенефиціантъ извернулся такимъ образомъ: роль Большова (личность котораго, я думаю, не для меня одного заранѣе какъ-то сливалась съ исполненіемъ г. Садовскаго), слѣдовательно, свою роль, онъ передалъ г. Щепкину, а самъ сыгралъ Подхалюзина». Садовскій и эту роль сыгралъ превосходно, ибо онъ превосходно изучилъ эту комедію вмѣстѣ съ своими друзьями изъ молодой редакціи «Москвитянина».

Выше мы приводили свидѣтельство Н. Рамазанова, что

[1]) „Русск. Вѣст.“ 1872 г., кн. 7 „П. М. Садовскій“, ст. В. И. Радиславскаго.

[2]) „Ежегод. Имп. театровъ“, сезона, 1894—95 г. кн. II, Воспоминанія Д. Коропчевскаго.

[3]) Сочиненія, т. I, стр. 77.

Сельскій батюшка. (Акварель).

рисунки къ комедіямъ Островскаго дѣлались Боклевскимъ во время ихъ чтенія. Нѣтъ сомнѣнія, что, рисуя Большова, Боклевскій имѣлъ все время въ виду исполненіе этой роли Садовскимъ. Это подтверждается прежде всего сходствомъ рисунковъ, изображащихъ «портреты» Большова, Любима Торцова и Беневоленскаго, которыхъ Садовскій игралъ на сценѣ. Конечно слово «сходство» нужно понимать здѣсь не въ томъ смыслѣ, что у нихъ сходны лица (хотя отчасти есть и это). То сходство, о которомъ мы говоримъ, проистекаетъ отъ того, что ростъ, фигура и манера держаться у всѣхъ упомянутыхъ героевъ на рисункахъ Боклевскаго почти одинаковы. Стоитъ только бѣгло взглянуть на эти рисунки, чтобы узнать въ Большовѣ, Любимѣ Торцовѣ и Беневоленскомъ — Садовскаго «съ массивными, тяжелыми чертами лица, съ его плотной, грузной фигурой, при ростѣ, который былъ выше средняго».[1]) Это подтверждается, какъ нельзя лучше, и литографіей, принадлежащей тоже, повидимому, Боклевскому, воспроизведенной въ «Ежегодникѣ Имп. театровъ за сезонъ 1894-95 годовъ» и изображающей Прова Садовскаго въ роли Любима Торцова.

Итакъ, историческое значеніе рисунковъ Боклевскаго къ комедіямъ Островскаго несомнѣнно. Съ одной стороны, они даютъ намъ вѣрное представленіе о томъ, какъ ставились эти комедіи въ первые годы ихъ появленія на сценѣ. Съ другой стороны, появившись раньше постановки ихъ (почти всѣ рисунки изданы въ періодъ 1859—1860 г.г., а нарисованы были еще раньше), нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ о томъ, какое вліяніе имѣли члены молодой редакціи «Москвитянина» на толкованіе и на игру той или иной роли. Къ первой категоріи, надо думать, относятся рисунки къ пьесамъ, поставленнымъ на сценѣ раньше выхода въ свѣтъ литографій Боклевскаго и до возвращенія его изъ-заграницы. Сюда надо причислить иллюстраціи къ комедіямъ «Не въ свои сани не садись», — (поставленную въ началѣ 1853 года), «Бѣдную невѣсту», (поставленную осенью того же года) и «Бѣдность не

---

[1]) Воспоминанія Д. Коробчевскаго, стр. 21.

порокъ», (исполненную въ январѣ 1854 года). Сюда же надо отнести и нѣкоторые рисунки, изображающіе «Сцены изъ купеческой жизни». Ко второй категоріи, по нашему мнѣнію, относятся рисунки къ «Свои люди сочтемся» и «Не такъ живи, какъ хочется».

Для постановки пьесъ Островскаго на сценѣ въ настоящее время, а также въ чисто педагогическихъ цѣляхъ при изученіи ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, рисунки Боклевскаго имѣютъ несомнѣнное значеніе, ибо кто лучше его, современника героевъ «темнаго царства», могъ изобразить всю ихъ внѣшнюю обстановку и костюмы. Приходится только сожалѣть, что рисунки эти представляютъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость. Переиздать ихъ необходимо, для чего можно прибѣгнуть къ часто практикуемому способу — къ перерисовкѣ ихъ талантливымъ художникомъ, который устранилъ бы всѣ тѣ недостатки, которые вытекли изъ условій ихъ воспроизведенія. Оставшіеся оригиналы къ комедіи «Свои люди сочтемся» помогутъ художнику возстановить художественную манеру и пріемы Боклевскаго. Воспроизвести эти рисунки необходимо еще и потому, что кромѣ нашего художника почти никто не иллюстрировалъ комедій Островскаго,—извѣстны только три-четыре литографіи Рыбинскаго и Бѣлоусова.

XIX.

Послѣ иллюстрацій Боклевскаго къ произведеніямъ Гоголя и Островскаго въ количественномъ отношеніи идутъ рисунки къ произведеніямъ Достоевскаго. Имъ иллюстрированы «Бѣдные люди» (6 рисунковъ), «Преступленіе и наказаніе» (9 рисунковъ) и «Братья Карамазовы (портретъ Алеши). Ни одинъ изъ этихъ рисунковъ до сихъ поръ не былъ изданъ.

Послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ напомнитъ, что мы вовсе не такъ ужъ богаты иллюстраціями къ произведеніямъ Достоевскаго. Супруга нашего писателя, лю-

Фамусовъ. „Горе отъ ума“. (Акварель).

бовно устроившая въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ— «Музей памяти Ф. М. Достоевскаго» и тщательно собиравшая иллюстраціи къ произведеніямъ своего мужа, собрала ихъ около 150, включая сюда и фотографіи съ артистовъ и сценъ изъ комедій, составленныхъ по его романамъ[1]). Больше и лучше другихъ иллюстрировали Достоевскаго Н. Каразинъ, В. Поляковъ, А. Скиргелло и К. Лебедевъ. Однако, и здѣсь приходится сказать то, что мы говорили раньше, когда шло дѣло о другихъ иллюстраціяхъ. Вышеупомянутые художники рисовали *сцены* изъ того или иного произведенія, а Боклевскій далъ намъ *портреты* героевъ Достоевскаго.

По нашему мнѣнію, великолѣпно удались Боклевскому портреты Дѣвушкина, Вареньки и Быкова изъ «Бѣдныхъ людей», Мармеладова и процентщицы изъ «Преступленія и наказанія». Портреты Быкова и Мармеладова мы воспроизводимъ въ настоящей книгѣ. Наружность Мармеладова описана Достоевскимъ такъ: «это былъ человѣкъ лѣтъ уже за пятьдесятъ, средняго роста и плотнаго сложенія, съ просѣдью и съ большой лысиной, съ отекшимъ отъ постояннаго пьянства желтымъ, даже зеленоватымъ лицомъ и съ припухшими вѣками, изъ-за которыхъ сіяли крошечные, какъ щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Одѣтъ онъ былъ въ старый, совершенно оборванный черный фракъ съ осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-какъ, и на нее-то онъ и застегивался, видимо желая не удаляться отъ приличій. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, такъ что уже густо начала выступать сизая щетина».

Какъ поразительно вѣрно переданы всѣ эти подробности Боклевскимъ!

Приводимъ здѣсь, кстати сохранившееся письмо Боклевскаго къ своей дочери М. П. Лихаревой (отъ 6 дек. 1881 г.) по поводу иллюстрацій къ «Преступленію и наказанію». Оно интересно еще и потому, что здѣсь мы

---

[1]) См. „Музей памяти Ф. М. Достоевскаго“, сост. А. Достоевская, СПБ. 1906 года, стр. 277.

находимъ замѣчаніе Боклевскаго о той манерѣ рисованія, въ которой сдѣлано большинство его рисунковъ.

«Я нарисовалъ вновь типъ процентщицы и очень бы желалъ, чтобы вы всѣ удовлетворились имъ. Въ данномъ случаѣ я имѣлъ въ виду выразить на ея лицѣ тревожную подозрительность и присущую ей скаредность; но «страхъ», про который говоришь ты въ своемъ письмѣ, а также и Сеня, по моему, неумѣстенъ.

Я очень радъ, что успѣлъ сдѣлать этотъ рисунокъ и послать его на обмѣнъ неудавшагося. Этимъ я очень удовлетворенъ,—какъ относительно экспрессіи, такъ и относительно исполненія. Въ послѣднемъ отношеніи онъ сдѣланъ, какъ «миньятюръ»,—до того онъ законченъ.

Кстати, не лишнимъ считаю объяснить вамъ, дѣти мои дорогіе, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «миньятюръ». Это вѣдь отнюдь не то, что исполняется на фарфорѣ, слоновой кости и вообще въ мелкомъ видѣ. Это особый родъ живописи—очень тщательной, которая, однакожъ, допускается, по законамъ эстетики, только въ въ картинахъ небольшихъ размѣровъ, которыя можно разсматривать исключительно только вблизи. Примѣненіе же этого рода живописи къ предметамъ крупнымъ будетъ нарушеніемъ эстетическаго вкуса».

XX.

Изъ рисунковъ Боклевскаго къ произведеніямъ Тургенева тоже ни одинъ до сихъ поръ не опубликованъ, а между тѣмъ нашъ художникъ началъ работать надъ ними еще въ то время, когда состоялъ членомъ молодой редакціи «Москвитянина». Широкимъ слоямъ нашего общества они стали извѣстны, и то не всѣ, лишь въ мартѣ 1909 года, когда были выставлены на выставкѣ въ память И. С. Тургенева въ Императорской Академіи Наукъ [1]).

[1]) См „Каталогъ выставки въ память И. С. Тургенева въ Имп. Ак. Наукъ", Мартъ, 1909 г., 2-е изданіе.

Пьеръ Безухій. „Война и Миръ“. (Акварель).

Мы уже приводили письмо Тургенева къ Островскому, въ которомъ авторъ «Дворянскаго гнѣзда» даетъ одобрительный отзывъ о рисункахъ Боклевскаго къ комедіямъ Островскаго. Это было въ самомъ началѣ 1855 года. Изъ крупнѣйшихъ произведеній Тургенева тогда вышли въ свѣтъ только «Записки охотника», а вскорѣ и «Рудинъ».

Личное знакомство съ авторомъ этихъ произведеній, а также успѣхъ «Записокъ охотника» не могли не навести Боклевскаго на мысль дать и къ нимъ иллюстраціи. Онъ принялся за работу и, по воспоминаніямъ людей, видѣвшихъ эти рисунки, сдѣлалъ ихъ не менѣе 10–12. Въ числѣ ихъ были иллюстраціи къ «Хорю и Калинычу», къ «Живымъ мощамъ», «Ермолаю и Валеткѣ», къ «Бирюку» и т. д. Былъ ли иллюстрированъ «Рудинъ», никто изъ знавшихъ Боклевскаго дать намъ опредѣленныхъ указаній не могъ.

Въ 1858 году вышелъ новый романъ Тургенева — «Дворянское гнѣздо», вызвавшій общій восторгъ въ русскомъ обществѣ. Боклевскій тоже увлекся этимъ произведеніемъ и принялся за иллюстрированіе его. Сколько было сдѣлано рисунковъ къ этому роману сейчасъ сказать трудно, ибо они вмѣстѣ съ иллюстраціями къ «Запискамъ охотника» погибли въ пожарѣ въ 1869 году, о чемъ говорилось выше. Изъ большого числа этихъ иллюстрацій осталось только три и то, повидимому, возобновленныхъ впослѣдствіи: изъ «Дворянскаго гнѣзда» — Лиза (акварель), изъ «Записокъ охотника» — Старикъ изъ Ананьева [1]) (карандашъ) и къ «Муму» — Герасимъ (двѣ акварели и нѣсколько карандашныхъ эскизовъ).

Гораздо больше осталось иллюстрацій къ «Отцамъ и дѣтямъ» Вѣроятно, всѣ они увидѣли свѣтъ уже послѣ пожара. Всѣ эти иллюстраціи, подобно рисункамъ къ сочиненіямъ Гоголя, даютъ намъ не жанровыя картинки, рисующія ту или иную сцену изъ романа, а портреты главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ. Всѣхъ портретовъ дошло до насъ восемь, въ двухъ и даже въ трехъ варь-

[1]) Къ разсказу „Контора".

янтахъ каждый, — акварелью и карандашемъ. Тутъ изображены Базаровъ, Н., П. и А. Кирсановы, Кукшина, Феничка, Одинцова и Катя.

Удачны ли иллюстраціи Боклевскаго къ сочиненіямъ Тургенева? Мы думаемъ, что нашъ художникъ далъ вѣрные портреты Тургеневскихъ героевъ. Боклевскій, какъ было уже упомянуто, старался въ изображеніи типовъ къ тому или другому произведенію не отступать отъ текста, отъ описанія, даннаго писателемъ. Онъ всегда стремился къ тому, чтобы читатель, знающій иллюстрируемое произведеніе, узналъ того или иного героя безъ всякихъ поясненій со стороны художника. Въ этомъ отношеніи иллюстрированіе Тургенева представляло иногда большія затрудненія. Боклевскій не разъ жаловался, что детальное описаніе наружности, которое часто давалъ Тургеневъ своимъ героямъ, очень затрудняло художника. Иногда въ это описаніе вносились такіе подробности, которыя не вязались съ общимъ представленіемъ о томъ или иномъ героѣ.[1])

Особенно затрудняло Боклевскаго изображеніе Базарова. Въ его портфеляхъ осталось, кромѣ законченныхъ изображеній, нѣсколько эскизовъ Базарова, иногда значительно различающихся другъ отъ друга. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было дать портретъ по слѣдующему описанію. Базаровъ былъ «высокъ ростомъ», съ «мужественнымъ голосомъ», съ «твердой и стремительной походкой». «Длинное и худое лицо его, съ широкимъ лбомъ, кверху плоскимъ, книзу зоостреннымъ носомъ, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочнаго цвѣта, оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоувѣренность и умъ». «Темно-бѣлокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупныхъ выпуклостей просторнаго черепа». «Манеры его были самоувѣренны и небрежны», рѣчи «немногосложны и отрывочны».[2])

[1]) См. объ этомъ въ письмѣ В. Г. Короленко къ автору настоящей книги, стр. 52-я.

[2]) Словарь литерат., типовъ. Вып. 1-й. Тургеневъ. Изд. ред. журн. „Всходы", стр. 21.

При точномъ выполненіи всѣхъ этихъ деталей получалось лицо очень некрасивое и даже мало симпатичное. Особенно портилъ впечатлѣніе носъ—«кверху плоскій, книзу заостренный».

Не менѣе трудно было изобразить, хотя и по другимъ причинамъ, и Одинцову, внѣшность которой опредѣлена Тургеневымъ слѣдующимъ образомъ: «Какою-то ласковой

Одинцова. „Отцы и дѣти". (Акварель).

мягкой силой вѣяло отъ ея лица». «Спокойно и умно» глядѣли свѣтлые глаза изъ подъ немного нависшаго бѣлаго лба, и губы улыбались едва замѣтной улыбкой»... «На остальныхъ бабъ, по выраженію Базарова, не похожа»... «Прелестная женщина».

Какъ видно изъ прилагаемой здѣсь репродукціи съ акварельнаго рисунка, портретъ Одинцовой вышелъ очень удачнымъ, несмотря на всѣ трудности.

Лучшимъ изъ рисунковъ къ «Отцамъ и дѣтямъ», по нашему мнѣнію, является портретъ Павла Кирсанова, которому, по словамъ Тургенева, «на видъ 45 лѣтъ. Его коротко остриженные сѣдые волосы отливали темнымъ блескомъ, какъ новое серебро; лицо его желчное, но безъ морщинъ, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонкимъ и легкимъ рѣзцомъ, являло слѣды красоты замѣчательной: особенно хороши были свѣтлые, черные продолговатые глаза». «Подбородокъ былъ аккуратно выбритъ»; «руки были красивыя, съ длинными розовыми ногтями, казавшіяся еще красивѣе отъ снѣжной бѣлизны рукавчика, застегнутаго одинокимъ крупнымъ опаломъ». «Онъ носилъ удивительные воротнички, точно каменные; одѣвался всегда изящно». [1]).

Ни одна деталь изъ этого описанія не упущена Боклевскимъ; каждая изъ нихъ ожила и въ результатѣ получилось въ высшей степени живое лицо. Когда смотришь этотъ рисунокъ, невольно возникаетъ вопросъ: не списана ли Тургеневымъ наружность П. П. Кирсанова съ натуры? И не является ли то обстоятельство, что «детали» портрета Базарова дѣлаютъ его лицомъ не жизненымъ доказательствомъ, что Тургеневъ, вопреки догадкамъ критиковъ, писалъ своего «нигилиста» не съ натуры, а «сочинилъ» его?

Очень симпатичное впечатлѣніе производитъ портретъ Фенички. Намъ кажется, что художникъ далъ именно тотъ образъ, который рисовался Тургеневу. «Молодая женщина, съ чистымъ и нѣжнымъ лицомъ, вся бѣленькая и мягкая, съ темными глазами, съ темными мягкими волосами, невинными слегка раскрытыми губками,—красными и дѣтски пухлыми,—изъ-за которыхъ блистали на солнцѣ жемчужные зубы. Носила опрятное ситцевое платье; голубая новая косынка легко лежала на ея круглыхъ плечахъ». Портретъ Фенички, сдѣланный Боклевскимъ, не только вѣрно передаетъ эти, такъ сказать, физическія

[1]) Словарь Литерат. типов. Вып. I-ый, стр 68-я.

Феничка. „Отцы и дѣти“. (Акварель).

черты, но и даетъ опредѣленное представленіе объ ея характерѣ.

Приходится только сожалѣть о томъ, что до сихъ поръ ни одинъ рисунокъ Боклевскаго къ произведеніямъ Тургенева не былъ изданъ, особенно, если принять во вниманіе, что иллюстрацій къ нимъ у насъ вообще очень мало. Еще лучше и подробнѣе иллюстрированы «Записки охотника», но романы почти не имѣютъ иллюстрацій.

«Записки охотника» хорошо иллюстрировали Петръ Соколовъ[1]), Н. Н. Каразинъ[2]), К. Лебедевъ[3]), Ел. Бёмъ (въ силуэтахъ)[4]), и др. менѣе извѣстные художники. Такимъ образомъ, утрата рисунковъ Боклевскаго къ этимъ разсказамъ не такъ чувствительна.

Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ иллюстраціями къ «Дворянскому гнѣзду». Намъ извѣстенъ только рисунокъ Н. Загорскаго въ «Пчелѣ» за 1876 годъ (№ 49)—«У пруда». Существуетъ еще картина Андріолли—«Лиза и Лаврецкій», о которой упоминается въ каталогѣ Тургеневской выставки подъ № 602. Вотъ и всѣ иллюстраціи къ этому замѣчательному произведенію.

Немногимъ больше иллюстрацій къ «Отцамъ и дѣтямъ». Имѣется два рисунка малоизвѣстнаго художника П. А. Табурина—«Дуэль Базарова съ Кирсановымъ» и «Смерть Базарова» (оба помѣщены въ «Нивѣ»), да рисунки П. Загорскаго—«Родители на могилѣ Базарова» («Живоп. Обозр.» 1880 г. № 29).

Не будемъ перечислять иллюстрацій къ другимъ произведеніямъ Тургенева, ибо они носятъ еще болѣе случайный характеръ,—нѣтъ ни одного произведенія, которое имѣло хотя бы двѣ-три иллюстраціи, сдѣланныхъ однимъ, болѣе или менѣе, выдающимся художникомъ.

При такомъ положеніи дѣла иллюстрированія произведеній Тургенева, какъ не выразить пожеланіе, чтобы рисунки Боклевскаго къ «Отцамъ и дѣтямъ», дающіе намъ

---

1) Изданы Н. К. фонъ-Боолемъ, въ 1891—92 г.г.
2) „Нива", 1883 г., № 50.
3) Изданы въ 1884 г.
4) Изданы въ 1883 г.

такое наглядное представленіе о герояхъ этого романа, были возможно скорѣе изданы. Какой цѣнный вкладъ въ нашу литературу былъ бы внесенъ, если бы былъ изданъ — красиво и богато — этотъ романъ съ рисунками Боклевскаго! Это была бы настольная книга нашей интеллигенціи.

XXI.

Много труда положилъ Боклевскій и на иллюстрированіе произведенія Мельникова-Печерскаго «Въ лѣсахъ». Нашъ художникъ уже давно интересовался «русскими типами» не изъ дворянской или купеческой среды. Онъ еще въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ написалъ нѣсколько картинъ изъ крестьянской жизни. Часть изъ нихъ дошла до насъ, часть сгорѣла въ пожарѣ, а остальныя, вѣроятно, хранятся у наслѣдниковъ Солдатенкова, Кокорева, Кушелева-Безбородко и другихъ меценатовъ того времени.

Когда въ 1871 году началось печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ» произведеніе А. Печерскаго «Въ лѣсахъ», давшее такъ много важнаго, хотя и односторонняго, матерьяла для знакомства съ бытомъ раскольниковъ, Боклевскій увлекся и этимъ произведеніемъ и началъ рисовать «отживающіе типы русской народности».

Всѣхъ иллюстрацій къ этому произведенію сдѣлано нашимъ художникомъ не менѣе пятнадцати. Тутъ изображенъ «самодуръ-тысячникъ» Чапуринъ, его дочь - гордая, своенравная красавица Настя, его сестра — игуменья раскольничьяго монастыря мать Манефа, ея незаконная дочь — Фленушка, фальшивомонетчикъ Стуколовъ, великій начетчикъ и развратникъ Василій Борисовичъ и друг. Все это типы, которые, дѣйствительно, такъ и просятся на полотно. По нашему мнѣнію, иллюстраціи Боклевскаго къ этому произведенію чрезвычайно удачны: наружность и характеръ каждаго изъ героевъ не только согласуется съ замысломъ Печерскаго, но, благодаря рисунку, еще ярче выдѣляются особенности каждаго изъ нихъ.

Рисунки эти были изданы въ 1882 году Петербургской фотографіей подъ заглавіемъ: «Отживающіе типы русской народности. Крестьяне раскольники. Темы изъ разсказовъ Мельникова «Въ лѣсахъ». Демографическіе этюды П. Боклевскаго». Альбомъ этотъ вышелъ въ весьма ограниченномъ числѣ и теперь представляетъ библіографическую рѣдкость. Впрочемъ, цѣнность его весьма не велика, ибо фотографіи, сдѣланныя на спѣхъ, до того выцвѣли, что вся художественная прелесть рисунковъ почти совершенно исчезла. Такимъ образомъ, можно сказать, что иллюстраціи Боклевскаго къ этому писателю мало извѣстны русскому обществу. Если къ этому прибавить, что «Въ лѣсахъ» вообще мало и плохо иллюстрированно другими художниками, то необходимость новаго изданія рисунковъ Боклевскаго станетъ ясна. Лучшіе рисунки къ этому произведенію, кромѣ нашего художника, сдѣланы [1]) Нестеровымъ («Изъ скита»), А. Земцовымъ («Невидимый градъ Китежъ»). Изъ портретовъ героевъ намъ извѣстенъ только одинъ, сдѣланный художникомъ Лоренцомъ, портретъ Настасьи Чапуриной,—но въ немъ мы не находимъ ни красоты, ни гордости, ни обаятельности, т.-е. того, чѣмъ отличалась эта героиня Печерскаго отъ обыкновенныхъ дѣвушекъ своей среды.

Изъ серіи рисунковъ къ этому произведенію мы приводимъ портретъ матери Манефы, который особенно нравился Печерскому. Авторъ «Въ лѣсахъ», какъ намъ сообщили, признавалъ эти рисунки Боклевскаго не только вѣрно передающими духовный обликъ каждаго героя, но и вѣрными съ этнографической точки зрѣнія. Печерскій, разсматривая ихъ, не разъ говорилъ: «это типы именно тѣхъ людей, которыхъ я не разъ видѣлъ во время моихъ поѣздокъ по нижегородскому Поволжью; теперь они всѣ, какъ живые, встаютъ предо мною».

---

[1]) См. Тороповъ, сист. указ. „Нивы" за 30 лѣтъ.

XXII.

Осталось послѣ Боклевскаго нѣсколько иллюстрацій и къ другимъ нашимъ классикамъ. Мы не имѣемъ возможности точно сказать, почему нашъ художникъ далъ такъ мало иллюстрацій къ произведеніямъ Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова и Л. Толстого. Имѣется только слѣдующее свидѣтельство одного изъ сыновей, до извѣстной степени объясняющее это обстоятельство. Когда сынъ однажды спросилъ отца, почему онъ не хочетъ иллюстрировать «Анну Каренину», то получилъ такой, приблизительно, отвѣтъ: въ этомъ произведеніи нѣтъ типовъ, есть только личности индивидуальныя, – писать съ нихъ портреты не интересно, да и не къ чему.

Какъ бы то ни было, но до насъ дошли только портреты Фамусова, Онѣгина, Печорина и Пьера Безухаго. Намъ кажется, что портретъ Печорина особенно вѣренъ. Прочтите описаніе его наружности, сдѣланное Лермонтовымъ, и взгляните на акварельный рисунокъ Боклевскаго, снимокъ съ котораго мы помѣщаемъ, и вамъ станетъ ясно полное сходство. Вотъ что о Печоринѣ говорилъ Лермонтовъ [1]). «Съ перваго взгляда ему казалось» не болѣе двадцати трехъ лѣтъ. «Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, не побѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными». «Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую». «Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные—признакъ породы въ че-

1) См. Тороповъ, систематическій указатель къ „Нивѣ“ за 30 лѣтъ.
1) См. Словарь литерат. типовъ, вып. 3-ій.

Печоринъ. (Акварель).

ловѣкѣ, такъ, какъ черная грива и черный хвостъ—у бѣлой лошади». «У него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза», «они не смѣялись, когда онъ смѣялся». «Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго, или играющаго воображенія, то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его непродолжительный, но проницательный и тяжелый—оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ бы казаться дерзкимъ, если-бъ не былъ столь равнодушно-спокоенъ». Печоринъ былъ «вообще очень не дуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя нравятся женщинамъ».

Развѣ не тѣ же черты мы видимъ на рисункѣ Боклевскаго?

Этотъ портретъ Печорина не является лишнимъ въ ряду довольно многочисленныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ Лермонтова, ибо никто изъ нашихъ художниковъ не далъ именно «портрета» этого героя времени Лермонтова [1]).

Портретъ Е. Онѣгина, по нашему мнѣнію не совсѣмъ удаченъ. Болѣе выгодное впечатлѣніе, на нашъ взглядъ, производитъ портретъ Пьера Безухаго. Л. Толстой набросалъ этотъ портретъ съ внѣшней стороны въ самыхъ общихъ чертахъ. По его описанію, Пьеръ былъ «массивный, толстый молодой человѣкъ, съ стриженною головой, въ очкахъ, свѣтлыхъ панталонахъ по тогдашней модѣ, съ высокимъ жабо и въ коричневомъ фракѣ»,—вотъ и все, чѣмъ могъ воспользоваться Боклевскій у Л. Толстого. Чтобы вѣрно нарисовать портретъ по такому описанію, нужно было изучить характеръ Пьера, который, какъ извѣстно, отличался значительной сложностью. Боклевскій

---

[1]) Перечень иллюстрацій къ Лермонтову помѣщенъ въ книгѣ Бильдерлинга: „Лермонтовскій музей“, СПБ. 1883 года. Лучшее иллюстрированное изданіе сочиненій Лермонтова выпущено въ Москвѣ, въ 1891 году, типогр. Кушнерева. Здѣсь даны рисунки художниковъ Айвазовскаго, В. Васнецова, А. Васнецова, Врубеля, Коровина, Маковскаго, Полѣнова, Пастернака, Рѣпина, Сѣрова, Шишкина и друг.

передалъ этотъ характеръ и наружность удачно, нарисовавъ портретъ съ Пьера не въ тотъ моментъ, когда онъ казался окружающимъ смѣшнымъ, и не въ моментъ проявленія имъ героизма. Предъ нами Пьеръ, который можетъ стать тѣмъ или инымъ, смотря по обстоятельствамъ и въ зависимости отъ той среды, въ которой онъ находится [1]).

Фамусовъ, въ изображеніи Боклевскаго, не есть вполнѣ оригинальное произведеніе. Онъ очень напоминаетъ собою портретъ этого литературнаго героя, данный художникомъ М. С. Башиловымъ, въ изданіи «Горе отъ ума», Тиблена, въ 1862 году [2]). Однако и въ этомъ портретѣ Боклевскому удалось дать нѣсколько новыхъ штриховъ, которые даютъ намъ вѣрное изображеніе типа, уже давно отошедшаго въ область исторіи.

XXIII.

Кромѣ иллюстрацій къ русскимъ классическимъ произведеніемъ, послѣ Боклевскаго осталось значительное число рисунковъ, изображающихъ типы русскаго духовенства и крестьянства, преимущественно Рязанской губерніи.

Боклевскій далъ намъ пять типовъ духовенства: — сельскаго батюшку, соборнаго протодіакона, заштатнаго дьячка, протопопа и архіерея (не оконч.). Всѣ они написаны акварелью и снабжены надписями, въ родѣ: «нищъ есть азъ отъ юности моея» (сельскій батюшка), «отверзу уста моя и наполнятся духомъ» (соборный протодіаконъ), пою Богу моему, дондеже есмь» (дьячекъ) и т. д.

Рисунковъ, изображающихъ типы русскаго крестьянства, сдѣлано было Боклевскимъ много. Судя по тѣмъ наброскамъ, которые остались въ портфеляхъ Боклевскаго,

---

1) Къ сожалѣнію, репродукція съ акварели вышла не совсѣмъ удачно.

2) Объ иллюстраціяхъ къ „Горе отъ ума“, какъ и вообще объ изданіяхъ до 1875 года, подробныя свѣдѣнія можно найти въ книгѣ: „Горе отъ ума“, редакція, примѣчанія и объясненія И. Д. Гарусова. СПБ. 1875 года.

эти типы очень занимали вниманіе нашего художника. Особенно часто рисовалъ Боклевскій, «породистыхъ дѣвокъ», которыя такъ нравились Селифану и «заставляли его по цѣлымъ часамъ стоять вороной».

Любилъ Боклевскій изображать крѣпостныхъ и сдѣлалъ цѣлую серію рисунковъ подъ заглавіемъ «Старосвѣтскіе крестьяне». Къ сожалѣнію, изъ этой серіи остался только одинъ акварельный рисунокъ, хранящійся въ Историческомъ Музеѣ и изображающій крѣпостного парня. Здѣсь же хранится карандашный рисунокъ, изображающій дворничиху.

Намъ уже приходилось упоминать о такъ называемыхъ «параллеляхъ», которыя видѣлъ и описалъ художникъ и историкъ искусства Н. Рамазановъ. Часть этой серіи, или варьянты къ ней, находится у художника В. Н. Мѣшкова. Двѣ большія акварели, изображающія крестьянокъ, имѣются у И. М. Громогласова.

Рисунки Боклевскаго, изображающіе крестьянъ пятидесятыхъ—шестидесятыхъ годовъ имѣютъ большое историческое и этнографическое значеніе, ибо нашъ художникъ былъ убѣжденнымъ «реалистомъ». Онъ сознательно изображалъ ихъ такими, какими они были въ дѣйствительности.

XXIV.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о Боклевскомъ, какъ о карикатуристѣ. Выше мы привели достаточно, по нашему мнѣнію, авторитетныхъ сужденій о томъ, что Боклевскій былъ далекъ отъ мысли дать карикатуру въ своихъ рисункахъ къ произведеніямъ Гоголя. Нечего и говорить, что въ иллюстраціяхъ къ Печерскому, Достоевскому, Тургеневу и др. писателямъ нѣтъ и тѣни карикатурности. Это, какъ нельзя лучше, убѣждаетъ насъ, что Боклевскій глубоко проникался иллюстрируемымъ произведеніемъ и отражалъ въ своихъ рисункахъ только то, что давалъ писатель. Гоголь изображалъ отрицатель-

ныя стороны русской жизни, представителями которой были люди то смѣшные, то жалкіе, то глупые, то нечестные—однимъ словомъ, отличавшіеся какимъ нибудь нравственнымъ недостаткомъ. И Боклевскій съумѣлъ передать при помощи карандаша и кисти каждый изъ этихъ недостатковъ такъ, что, глядя на рисунокъ, можно съ перваго взгляда опредѣлить, чѣмъ грѣшенъ изображенный человѣкъ. Такой рисунокъ, конечно, нельзя назвать карикатурой.

Однако, избѣгая карикатурности въ иллюстраціяхъ къ классическимъ произведеніямъ русской литературы, Боклевскій былъ талантливымъ карикатуристомъ. Какъ мы сказали выше, карикатуры нашего художника пользовались большимъ успѣхомъ, когда онъ былъ студентомъ и по окончаніи университета. Укрѣпилъ репутацію Боклевскаго, какъ карикатуриста, альбомъ «На нынѣшнюю войну», вышедшій въ 1855 году. Съ того времени Боклевскій, если и рисовалъ карикатуры (главнымъ образомъ, на знакомыхъ и сосѣдей), то никогда ихъ не опубликовывалъ и вообще не принималъ участія въ юмористическихъ журналахъ. Невѣрно поэтому утвержденіе А. Бенуа [1]), что въ нашихъ юмористическихъ изданіяхъ, въ родѣ «Стрекозы», «Осколковъ», «Будильника» и «Шута», участвовали такіе популярные рисовальщики, какъ Лебедевъ, Боклевскій, Богдановъ и др., «болѣе или менѣе удачно подражавшіе французскимъ и нѣмецкимъ образцамъ». Боклевскаго изъ числа этихъ рисовальщиковъ нужно исключить.

Неизданныхъ карикатуръ послѣ Боклевскаго осталось очень мало. Три—четыре не законченыхъ хранятся въ Историческомъ музеѣ.

Мы кончили изложеніе жизни и дѣятельности П. М. Боклевскаго. Заслуги его въ дѣлѣ толкованія величайшихъ произведеній русской литературы несомнѣнны. Они

[1]) Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. СПБ. 1901 г. Часть I, стр. 95.

были бы еще больше, если бы увидѣли свѣтъ и другія до сихъ поръ не изданныя иллюстраціи. Да и изданныя не могли произвести надлежащаго впечатлѣнія вслѣдствіе условій воспроизведенія. Теперь техника издательскаго дѣла ушла настолько впередъ, что имѣется полная возможность воспроизвести рисунки Боклевскаго, какъ слѣдуетъ. Это необходимо сдѣлать возможно скорѣе, ибо новыя поколѣнія русскаго общества, для которыхъ герои Гоголя, Тургенева и Островскаго уже отошли въ область преданія, только благодаря исторически вѣрнымъ рисункамъ будутъ въ состояніи ознакомиться съ эпохой, имѣющей такъ мало общаго съ нашимъ временемъ. Дать возможность пользоваться иллюстраціями Боклевскаго, какъ пособіемъ для изученіи нашей литературы,—это обязанность нашего общества. Если это будетъ выполнено хорошо и возможно скоро, то цѣль настоящей книги достигнута.

ИЗДАННЫЕ РИСУНКИ П. М. БОКЛЕВСКАГО.

1. Альбомъ карикатуръ „На нынѣшнюю войну" (6 рисунковъ), СПБ. 1855 г. (литографія).
2. Иллюстраціи къ комедіямъ А. Н. Островскаго, по пяти въ каждомъ альбомѣ: а) „Свои люди сочтемся" (1859 г., Москва), б) „Бѣдная невѣста", в) „Бѣдность не порокъ", г) „Не въ свои сани не садись", д) „Не такъ живи, какъ хочется", е) „Сцены изъ купеческой жизни"—(1860 г.). (Литографія).
3. Галлерея Гоголевскихъ типовъ. „Ревизоръ". 14 рисунковъ. Москва 1858 г. (Литографія). Изданіе неоднократно повторялось.
4. Бюрократическій катехизисъ. Пять сценъ изъ „Ревизора". Москва 1863 г. (Литографія).
5. Иллюстраціи къ „Мертвымъ душамъ". 23 рисунка. „Пчела", 1875 г. (Гравюра).
6. Два рисунка къ „Шинели". „Пчела", 1878 г. (Гравюра).
7. Два рисунка къ разсказу „Какъ поссорились....". „Живоп. Обозр.", 1880 г. (Гравюра).
8. Два рисунка къ разсказу „Старосвѣтскіе помѣщики". „Живоп. Обозр.", 1880 г. (Гравюра).
9. Гоголевскіе типы изъ „Мертвыхъ душъ". 7 рисунковъ. „Живоп. Обозр.", 1879, 1880 и 1887 г. (Гравюра).
10. Альбомъ Гоголевскихъ типовъ. (Переизданіе рисунковъ изъ „Пчелы" и Живоп. Обозр."). 26 рисунковъ. Изд. Тяпкина, съ предис. Стоюнина. СПБ. 1881 г. Альбомъ неоднократно переиздавался. (Гравюра).
11. Типы изъ поэмы „Мертвыя души". 34 рисунка, ранѣе не изданныхъ. Изд. Готье. Предисл. Л. Бѣльскаго. Москва, 1895 г. (Фототипія).
12. Рисунокъ къ сценкѣ И. Горбунова: „Утро квартальнаго надзирателя". „Ежег. Имп. Театровъ", сезона 1895-96 г., СПБ 1897 г. (Цинкографія).
13. Отживающіе типы русской народности. Крестьяне раскольники. Темы изъ разсказа Мельникова „Въ лѣсахъ". Демографическіе этюды П. Боклевскаго. 15 рисунковъ. СПБ. 1882 г. (Фотографія).

НЕ ИЗДАННЫЕ РИСУНКИ П. М. БОКЛЕВСКАГО.

Къ Тургеневу.

I. **„Отцы и дѣти“**. 1) Базаровъ, 2) Н. П. Кирсановъ, 3) П. П. Кирсановъ, 4) Арк. Кирсановъ, 5) Кукшина, 6) Феничка,*) 7) Одинцова,*) 8) Катя. (акварель, карандашъ, въ 2-хъ варьянтахъ).
II. **„Дворянское гнѣздо“**. 1) Лиза (акварель).
III. **„Муму“**. 1) Герасимъ*) („Муму“)—(акварель).
IV. **„Записки охотника“**. 1) Старикъ изъ Ананьева, къ разск. „Контора“ (карандашъ).

Къ Лермонтову.

V. **„Герой нашего времени“**. 1) Печоринъ*) (акварель, карандашъ).

Къ Пушкину.

VI. **„Евг. Онѣгинъ“**. 1) Портретъ Онѣгина (акварель).

Къ Толстому.

VII. **„Война и Міръ“**. 1) Пьеръ Безуховъ*) (акварель, карандашъ).

Къ Островскому.

VIII. **„Свои люди—сочтемся“**. 1) Большовъ, 2) Ризположенскій, 3) Подхалюзинъ, 4) Липочка, 5) Общая группа семьи Большова (акварель, карандашъ).
IX. **„Бѣдность не порокъ“**. 1) Любимъ Торцовъ (акварель).

Къ Достоевскому.

X. **„Бѣдные люди“**. 1) Дѣвушкинъ, 2) Горшковъ, 3) Варенька, 4) Анна Федоровна, 5) Федора, 6) Быковъ*) (акварель карандашъ).
XI. **„Братья Карамазовы“**. 1) Алексѣй Карамазовъ (акварель).
XII. **„Преступленіе и наказаніе“**. 1) Мармеладовъ,* 2) Раскольниковъ, 3) Свидригайловъ, 4) Соня, 5) Катерина Ивановна, 6) Разумихинъ, 7) Старуха процентщица, 8) Лизавета (карандашъ).

*) Рисунки, обозначенные звѣздочкой, вышли въ біографіи П. М. Боклевскаго.

Къ Печерскому.

XIII. „Въ лѣсахъ“. 1) Потапъ Чапуринъ, 2) Его жена, 3) Настя, старшая дочь Чапуриныхъ, 4) Параша, младшая дочь, 5) Микешка Волкъ, 6) Пантелеичъ, 7) Мать Манефа*), 8) Фленушка, 9) Стуколовъ, 10) О. Михаилъ, 11) Василій Борисовичъ, 12) Алексѣй, 13) Трифонъ Лохматый, 14) Карпъ, 15) Тетка Егориха (карандашъ).

Къ Гоголю.

XIV. „Мертвыя души“. Варіанты къ изданнымъ рисункамъ въ альбомахъ 1881 и 1885 года (см. Изданные рисунки Боклевскаго“). (Карандашъ, акварель и пастель).

XV. „Ревизоръ“. 10 рисунковъ (портреты во весь ростъ) (карандашъ).

XVI. „Женитьба“. 1) Кочкаревъ, 2) Подколесинъ, 3) Сваха*) (акварель и карандашъ).

XVII. „Старосвѣтскіе помѣщики“. 1) Афанасій Ивановичъ, 2) Пульхерія Ивановна (акварель, карандашъ, нѣсколько варьянтовъ).

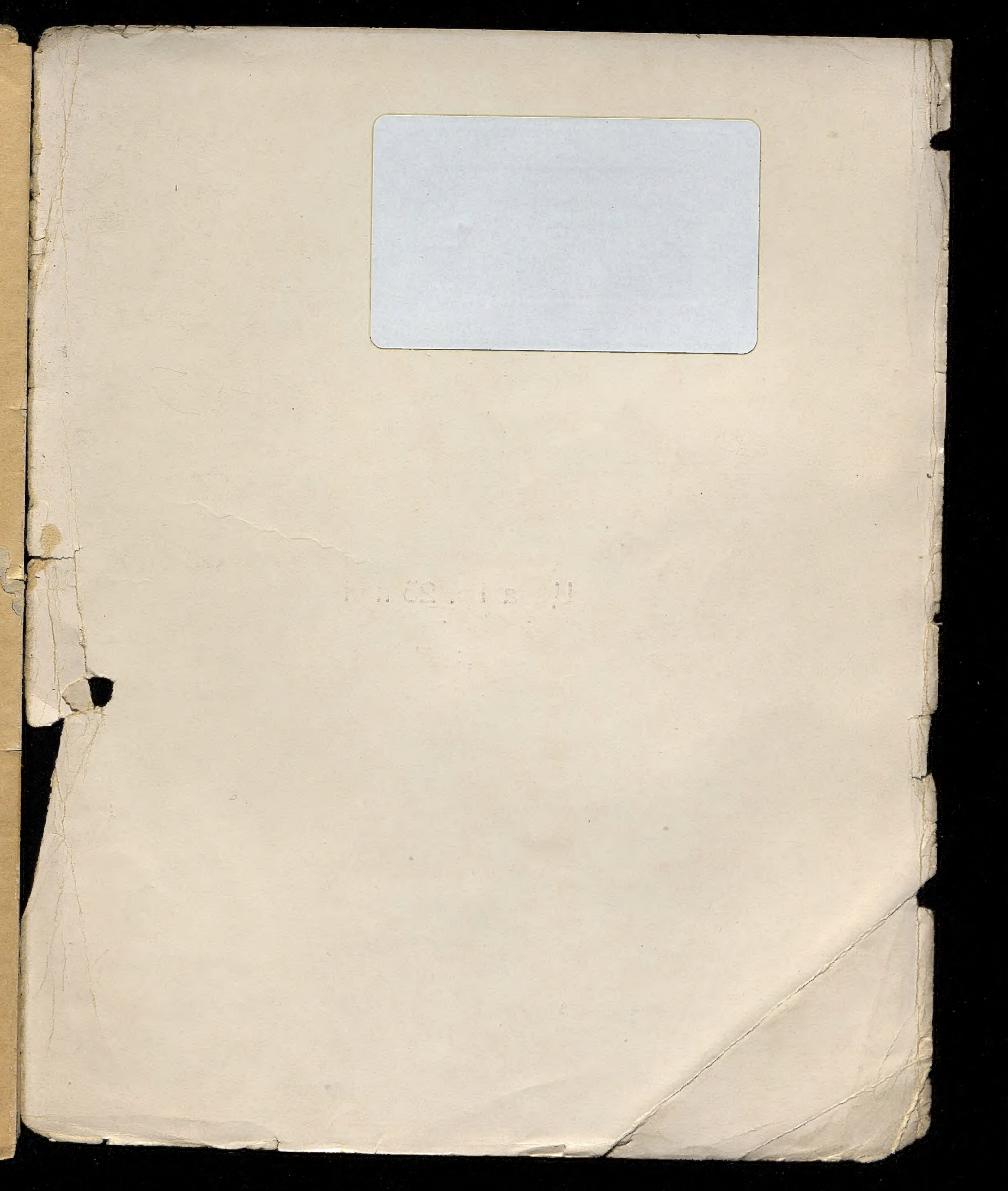
XVIII. Тяжба. 1) Бурдюковъ*).

XIX. „Какъ поссорились“... 1) Иванъ Ивановичъ, 2) Иванъ Никифоровичъ (акварель, карандашъ).

XX. „Игроки“. 1) Ихаревъ, 2) Утѣшительный, 3) Гловъ (карандашъ, акварель).

XXI. „Типы русскаго духовенства“. 1) Сельскій батюшка, 2) Соборный протодіаконъ, 3) Заштатный дьячекъ, 4) Протопопъ, 5) Архіерей (акварель).

XXII. „Типы крестьянъ“. 1) Крѣпостной, 2) Дворничиха, 3) Породистыя дѣвки, 4) Крестьяне.

Цѣна 1 р. 25 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
Магазинъ „НАУКА"
Бол. Никитская, близъ Университета 10.

ВЫСТАВКА

КАРТИНЪ И РИСУНКОВЪ

П. М. Боклевскаго.

Москва, Историческій Музей,

27 декабря 1909 г.

Петръ Михайловичъ Боклевскій—одинъ изъ выдающихъ русскихъ художниковъ, посвятившій всю свою жизнь иллюстрированію лучшихъ произведеній отечественной литературы. Это,—по выраженію С. В. Максимова, автора „Годъ на сѣверѣ", — **толковникъ художественныхъ красотъ** произведеній Островскаго. Но не только произведенія этого писателя **толковалъ** Боклевскій. Онъ далъ намъ иллюстраціи къ Гоголю, получившія огромное распространіе, и еще не изданные иллюстраціи къ Достоевскому, Печерскому, Тургеневу, Толстому и др. нашимъ великимъ писателямъ. Портреты литературныхъ типовъ работы Боклевскаго являются лучшимъ пособіемъ при изученіи русской литературы. Онъ, какъ современникъ Гоголя, Тургенева и Достоевскаго далъ намъ типы, среди которыхъ онъ жилъ. Это обстоятельство, при художественности выполненія рисунковъ, придаетъ имъ большую цѣну, особенно въ настоящее время. Къ сожалѣнію, большинство рисунковъ Боклевскаго до сихъ поръ не издано. Настоящая выставка имѣетъ цѣлью ознакомить русское общество съ этими выдающимися работами нашего художника.

П. М. Боклевскій родился 12 іюня 1816 г. Умеръ въ 1897 году.

ИЗДАННЫЕ РИСУНКИ П. М. БОКЛЕВСКАГО.

1. Альбомъ карикатуръ „На нынѣшнюю войну" (6 рисунковъ), СПБ. 1855 г. (литографія).
2. Иллюстраціи къ комедіямъ А. Н. Островскаго, по пяти въ каждомъ альбомѣ: а) „Свои люди сочтемся" (1859 г., Москва), б) „Бѣдная невѣста", в) „Бѣдность не порокъ", г) „Не въ свои сани не садись", д) „Не такъ живи, какъ хочется", е) „Сцены изъ купеческой жизни"—(1860 г.) (Литографія).
3. Галлерея Гоголевскихъ типовъ. „Ревизоръ". 14 рисунковъ. Москва 1858 г. (Литографія). Изданіе неоднократно повторялось.
4. Бюрократическій катехизисъ. Пять сценъ изъ „Ревизора". Москва 1863 г. (Литографія).
5. Иллюстраціи къ „Мертвымъ душамъ". 23 рисунка. „Пчела", 1875 г. (Гравюра).
6. Два рисунка къ „Шинели". „Пчела", 1878 г. (Гравюра).
7. Два рисунка къ разсказу „Какъ поссорились....". „Живоп. Обозр.", 1880 г. (Гравюра).
8. Два рисунка къ разсказу „Старосвѣтскіе помѣщики". „Живоп. Обозр.", 1880 г. (Гравюра).
9. Гоголевскіе типы изъ „Мертвыхъ душъ". 7 рисунковъ. „Живоп. Обозр.", 1879, 1880 и 1887 г. (Гравюра).
10. Альбомъ Гоголевскихъ типовъ. (Переизданіе рисунковъ изъ „Пчелы" и „Живоп. Обозр."). 26 рисунковъ. Изд. Тяпкина, съ предис. Стоюнина. СПБ. 1881 г. Альбомъ неоднократно переиздавался. (Гравюра).
11. Типы изъ поэмы „Мертвыя души". 34 рисунка, ранѣе не издачныхъ. Изд. Готье. Предисл. Л. Бѣльскаго. Москва, 1895 г. (Фототипія).
12. Рисунокъ къ сценкѣ И. Горбунова: „Утро квартальнаго надзирателя". „Ежег. Имп. Театровъ", сезона 1895-96 г., СПБ. 1897 г. (Цинкографія).
13. Отживающіе типы русской народности. Крестьяне раскольники. Темы изъ разсказа Мельникова „Въ лѣсахъ". Демографическіе этюды П. Боклевскаго. 15 рисунковъ. СПБ. 1882 г. (Фотографія).

НЕ ИЗДАННЫЕ РИСУНКИ П. М. БОКЛЕВСКАГО.

Къ Тургеневу.

I. **„Отцы и дѣти“**. 1) Базаровъ, 2) Н. П. Кирсановъ, 3) П. П. Кирсановъ, 4) Арк. Кирсановъ, 5) Кукшина, 6) Феничка,*) 7) Одинцова,*) 8) Катя (акварель, карандашъ, въ 2-хъ варьянтахъ).
II. **„Дворянское гнѣздо“**. 1) Лиза (акварель).
III. **„Муму“**. 1) Герасимъ*) („Муму“)—(акварель).
IV. **„Записки охотника“**. 1) Старикъ изъ Ананьева, къ разск. „Контора“ (карандашъ).

Къ Лермонтову.

V. **„Герой нашего времени“**. 1) Печоринъ*) (акварель, карандашъ).

Къ Пушкину.

VI. **„Евг. Онѣгинъ“**. 1) Портретъ Онѣгина (акварель).

Къ Толстому.

VII. **„Война и Міръ“**. 1) Пьеръ Безуховъ*) (акварель, карандашъ).

Къ Островскому.

VIII. **„Свои люди—сочтемся“**. 1) Большовъ, 2) Ризположенскій, 3) Подхалюзинъ, 4) Липочка, 5) Общая группа семьи Большова (акварель, карандашъ).
IX. **„Бѣдность не порокъ“**. 1) Любимъ Торцовъ (акварель).

Къ Достоевскому.

X. **„Бѣдные люди“**. 1) Дѣвушкинъ, 2) Горшковъ, 3) Варенька, 4) Анна Федоровна, 5) Федора, 6) Быковъ*) (акварель карандашъ).
XI. **„Братья Карамазовы“**. 1) Алексѣй Карамазовъ (акварель).
XII. **„Преступленіе и наказаніе“**. 1) Мармеладовъ,* 2) Раскольниковъ, 3) Свидригайловъ, 4) Соня, 5) Катерина Ивановна, 6) Разумихинъ, 7) Старуха процентщица, 8) Лизавета (карандашъ).

Къ Печерскому.

XIII. **„Въ лѣсахъ“**. 1) Потапъ Чапуринъ, 2) Его жена, 3) Настя, старшая дочь Чапуриныхъ, 4) Параша, младшая дочь, 5) Микешка Волкъ, 6) Пантелеичъ, 7) Мать Манефа*), 8) Фленушка, 9) Стуколовъ, 10) О. Михаилъ, 11) Василій Борисовичъ, 12) Алексѣй 13) Трифонъ Лохматый, 14) Карпъ, 15) Тетка Егориха (карандашъ).

Къ Гоголю.

XIV. **„Мертвыя души“**. Варіанты къ изданнымъ рисункамъ въ альбомахъ 1881 и 1885 года (см. Изданные рисунки Боклевскаго“). (Карандашъ, акварель и пастель).
XV. **„Ревизоръ“**. 10 рисунковъ (портреты во весь ростъ) (карандашъ).
XVI. **„Женитьба“**. 1) Кочкаревъ, 2) Подколесинъ, 3) Сваха*) (акварель и карандашъ).
XVII. **„Старосвѣтскіе помѣщики“**. 1) Афанасій Ивановичъ, 2) Пульхерія Ивановна (акварель, карандашъ, нѣсколько варьянтовъ).
XVIII. **Тяжба**. 1) Бурдюковъ*).
XIX. **„Какъ поссорились“**... 1) Иванъ Ивановичъ, 2) Иванъ Никифоровичъ (акварель, карандашъ).
XX. **„Игроки“**. 1) Ихаревъ, 2) Утѣшительный, 3) Гловъ (карандашъ акварель).
XXI. **„Типы русскаго духовенства“**. 1) Сельскій батюшка, 2) Соборный протодіаконъ, 3) Заштатный дьячекъ, 4) Протопопъ, 5) Архіерей (акварель).
XXII. **„Типы крестьянъ“**. 1) Крѣпостной, 2) Дворничиха, 3) Породистыя дѣвки, 4) Крестьяне.

---

*) Рисунки, обозначенные звѣздочкой, вышли въ біографіи П. М. Боклевскаго.

Т-во типографіи А. И. МАМОНТОВА, въ Москвѣ.